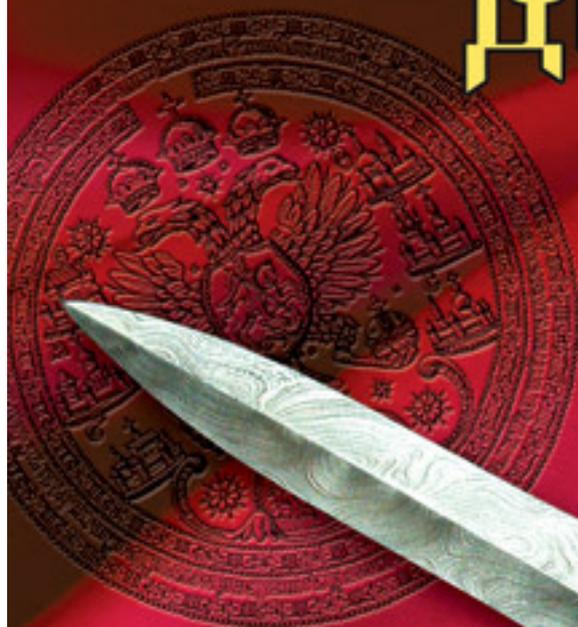

ИСТОРИЧЕСКАЯ АВАНТЮРА

ДМИТРИЙ ДАШКО

МЫ ИЗ ТАЙНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ

«КРЫЛОВ»

Дмитрий Дашко
Мы из Тайной канцелярии
Серия «СМЕРШ XVIII», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6606854
Дмитрий Дашко. Мы из тайной канцелярии: ИК «Крылов»; Москва; 2013
ISBN 978-5-4226-0236-0*

Аннотация

Действие происходит в 1735-м году, во времена пресловутой «бироновщины». Восемнадцатилетний дворянин Елисеев начинает свою карьеру в Тайной канцелярии. Умному, честолюбивому и умеющему за себя постоять юноше не по душе бумажная рутина службы, и фортуна дает ему шанс проявить себя. Помощь приходит откуда и подумать было нельзя. Из нашего времени, из 21 века, к нему, в век 18-й, попадает его потомок из рода Елисеевых. У одного – природный ум и сила, у второго – дедуктивные способности и криминальные познания, опережающие текущую эпоху. Вдвоем они составят отличный детективный тандем. Они смогут распутать дела любой сложности, а на сложные дела служба в Тайной канцелярии зело богата. Шаг за шагом они будут продвигаться вперед, раскрывая одно запутанное дело за другим.

Книга рекомендована для чтения лицам старше 16 лет.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	30
Глава 7	34
Глава 8	40
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Дмитрий Дашко

Мы из тайной канцелярии

Автор благодарит режиссёра и сценариста Олега Рякова, чей сериал «Записки экспедитора Тайной канцелярии» послужил источником вдохновения при написании этой книги!

Автор чувствует себя в неоплатном долгу перед писателем и историком Евгением Шалашовым, его консультации помогли сделать роман максимально достоверным с исторической точки зрения!

Огромная благодарность Александру Владимирову (Смирнову), который умудряется доставать полезную информацию буквально из ниоткуда!

Большое спасибо всем, кто вылавливал «блохи» и «блошки» на стадии написания, помогал советом, снабжал материалом, заслуженно критиковал и незаслуженно хвалил!

Коллеги с форума «Вихри времён» (<http://www.mahrov.4bb.ru>) – моя глубокая признательность за разбор текста, указание авторских ошибок и ляпов!

Мои благодарности Александру Логачёву – без него книга вряд ли бы получилась вполнину увлекательней и динамичней!

Спасибо Санкт-Петербургу за то, что ты есть! Автор с детства влюблён в твою красоту и посвящает тебе эту книгу!

Глава 1

Старенькая «Скания», чихнув, замерла на автобусной остановке. Двери, на которых до сих пор сохранилась истлевшая реклама не то на шведском, не то на финском, с шумом распахнулись.

Я выключил MP3-плеер, спрятал в нагрудный карман чёрные «капельки» наушников и шагнул на мокрый асфальт, будто в бездну.

В салоне было тепло, во время поездки я расстегнул куртку, но, оказавшись на улице, сразу пожалел: резкий порыв ветра швырнул в лицо пожелтевшие листья. Осень.

Романтическая пора для поэтов и абсолютная проза для таких как я. Хочется отрастить крылья и улететь в тёплые края. Вот только рождённый ползать летать не может. Правильно классик сказал.

Моросил противный дождик. По спине текли холодные струйки.

Зонт сломался ещё в прошлом году, тогда отнести в ремонт было некогда, а сейчас – не на что. Финансы пели не только романсы. Они ещё и во всю Ивановскую отплясывали канкан.

Я поднял воротник куртки и вжал голову в плечи, превратившись в нахохлившегося воробья. Другие, впрочем, выглядели не лучше. Такие же промёрзшие, мокрые и... злые что ли.

Перепрыгивая лужи, стараясь держаться подальше от дороги, чтобы не окатили проезжающие авто, я двинулся по растрескавшемуся тротуару.

Да уж... приятной сегодняшнюю прогулку не назовёшь. При иных обстоятельствах я бы и нос на улицу не высунул, но когда в кошельке осталась последняя сотня, да и та мелочью, кочевряжиться не с руки.

Вот и нужный дом, добротный, ещё сталинской постройки: высоченные потолки, квартиры с футбольное поле, широкие лестничные площадки, парадное, больше похожее на вход во дворец. Шикарно господа устроились, ничего не скажешь. Жилплощадь тут дорогая, квадратный метр на вес золота. И домофон не простой – с видеокамерой, пристально смотревшей на меня тусклым зрачком.

Замёрзшие пальцы с трудом набрали номер квартиры. Камера зажужжала, кому-то захотелось получше рассмотреть мою физиономию.

Я через силу улыбнулся и произнёс:

– Добрый день, я к Арсению Петровичу. Мне назначено на шестнадцать.

– Можете войти, – раздалось из динамика.

Щёлкнул замок. Я взялся за ручку и распахнул дверь.

Подъезд совсем не походил на мой, исписанный неведомыми «художниками» (от слова «худо»), которым стоило оборвать конечности; с облупившейся штукатуркой, ржавыми протёкшими радиаторами, покорёженными почтовыми ящиками.

Нет, этот – хороший подъезд, солидный. Сразу видно, что поддерживают его в идеальном порядке. Моют ступеньки не дважды в месяц, а каждый день, причём утром и вечером.

Сразу за массивной дверью конторка. За ней человек в чёрной форменной одежде частной охраны. На голове фуражка с восьмиугольной тульей, как у американских копов из кино. Для полноты образа не хватало только жевательной резинки во рту, тяжёлой нижней челюсти и солнечных очков, за которыми прячутся серые безжалостные глаза.

Охранник отвлёкся от мониторов, перевёл на меня уставший взгляд.

– К Арсению Петровичу?

– К нему. Мы договаривались, – кивнул я.

– У вас при себе документ, удостоверяющий личность, имеется?

– А что, это необходимо? – удивился я.

– Вас разве не предупреждали? – нахмурился охранник.

Сейчас он вытащит из кобуры верный «кольт», направит на меня и станет монотонно зачитывать мои права.

Усмехнувшись таким мыслям, я полез во внутренний карман куртки, достал водительское удостоверение и протянул охраннику (забавно, права получил, а вот машину купить не сподобился). Пока тот старательно переписывал мои данные в толстый журнал, я неловко переминался с ноги на ногу. Ботинки промокли и сильно хлюпали. Если подошва окончательно отсыреет и отойдёт, будет совсем плохо – другой пары у меня нет.

– Всё, – вернул мне права охранник. – Можете идти. Вас ждут.

– Спасибо!

– Номер квартиры помните?

– Конечно.

– Тогда не смею задерживать. – Охранник разом потерял ко мне интерес.

Я поднялся на второй этаж. Здесь было всего по две квартиры на площадку. Нужная мне – та, что справа. Указательным пальцем утопил кнопку звонка и ничего не услышал. Звукоизоляция в квартире на уровне. Да и всё остальное тоже.

На пороге появился немолодой мужчина, лысоватый, близорукий. Одет в синие потёртые джинсы, свитер с воротником, закрывающим горло. На ногах домашние тапочки.

От всего облика сразу пахнуло каким-то уютом, особенно когда он улыбнулся и с добродушной интонацией спросил:

– Иван Егорович? Елисеев?

– Да.

– Ну, а я и есть Арсений Петрович. Это со мной вы говорили по телефону.

– Очень приятно.

– Что же это я вас на пороге держу! Пожалуйста, проходите. – Он посторонился. – Обувь можете не снимать, у меня сегодня не прибрано. Домработница, знаете, заболела, а самому как-то недосуг.

Домработница... кхм.

Я с сомнением оглядел промокшие ботинки. Хозяин квартиры правильно истолковал мой взгляд.

– Да вы не стесняйтесь. Наследите, так наследите. Грязнее, чем сейчас, всё равно не станет. Давайте-ка в кабинет мой пройдем, там и поговорим.

– Как скажете.

– Да, – обернулся он на полпути, – а не попить ли нам чая или кофейку? Погодка мерзкая, вы только что с улицы... Поддерживаете?

– Благодарю. От кофе я бы не отказался.

Последнюю банку с растворимым кофе я прикончил ещё на прошлой неделе. Не то чтобы был фанатом этого напитка, но утро без кофе – не утро. И насчёт погоды хозяин не ошибся. Действительно мерзкая.

Арсений Петрович по-прежнему играл роль добродушного хозяина:

– Чёрный или со сливками?

– Без сливок, пожалуйста.

– Прекрасный выбор. Подождите меня буквально пару минут. Я скоро.

Пока Арсений Петрович хлопотал на кухне, я плюхнулся на мягкий (мечта сибарита) кожаный диван и с удовольствием откинулся на спинку и вытянул ноги. Господи, благодать какая! После всей этой сырости и промозглости наконец-то попал в уютное тёплое помещение. А сейчас ещё и кофе угостят. Разве не лепота?

Кабинет Арсения Петровича словно сошёл со старинных фотографий, живописующих быт писателей-классиков советской поры. Во-первых, огромные, от пола до потолка, книжные полки, буквально прогибающиеся под тяжестью массивных фолиантов. Некоторые томики вообще явно антикварного происхождения, во всяком случае, напечатаны до революции. Во-вторых, письменный стол – массивный, дубовый, точно не новодел, скорее всего – ровесник старинных книг. На столешнице явным диссонансом смотрелся ультрасовременный ноутбук. Насколько я разбираюсь – весьма крутой и навороченный. Ещё на столе лежали какие-то папки. Мне показалось, что в них вырезки из газет и журналов. Солидная готовальня, пепельница (пустая – заметьте), настольная лампа, книга с закладкой. Похоже, мой визит отвлек хозяина кабинета от чтения. На стене фотографии в рамочках, преимущественно чёрно-белые. Некоторые потрескавшиеся и пожелтевшие от старости.

Арсений Петрович вернулся с подносом, на котором были две чашки с дымящимся кофе (ах, какой аромат! Беллиссимо!) и сахарница с маленькой ложкой. В качестве угощения – конфеты, преимущественно шоколадные трюфели. Бабаевские, мои любимые.

Я с удовольствием зашуршал обёрткой и отправил конфету в рот.

– Ну, что, давайте поговорим, – предложил собеседник, когда с напитками и едой было покончено. Лишь пара конфеток осталась сиротливо лежать на подносе.

– Давайте.

– Иван Егорович, у меня к вам маленькая просьба. Пожалуйста, настройтесь на то, что вещи, о которых я буду вам рассказывать – это не бред сумасшедшего.

– Занятное вступление.

– То ли ещё будет. Вы, главное, поймите: никто не собирается пудрить вам мозги. Всё, что вы услышите, правда.

– Честное слово, я в высшей степени заинтригован. Постараюсь выполнить вашу просьбу.

– Значит, договорились, – кивнул собеседник. – Вы своим генеалогическим деревом интересовались?

– Куда там, – усмехнулся я. – Как-то меня это модное веяние обошло. Отец с матерью на заводе работали, он – гидравлик на прокатном стане, она – контролёр ОТК. Бабушки-дедушки тоже из простых, деревенские... Ну, воевали, конечно. Дед по маминой линии почти всю Великую Отечественную прошёл, пока под Кенигсбергом не ранило.

– Деревенские, говорите, – хмыкнул Арсений Петрович. – Ну-ну. Хорошо же замаскировались ваши родственники.

– Простите, не понимаю.

– Я объясню. Дело в том, что Елисеевы – довольно известная дворянская фамилия.

– Да я с ходу могу показать пару-тройку Елисеевых, чьи предки всю жизнь волам хвосты крутили. А вы говорите «дворяне»!

Арсений Петрович засмеялся. Вот уж не ожидал, что моя реплика вызовет в нём столь бурные эмоции.

– Нет уж, в вашем случае мы имеем дело с отпрыском дворянского гнезда, – сообщил он, когда закончил смеяться. – Сведения достоверные на все сто процентов. Мы специально проверяли.

– Дворяне так дворяне, – пожал я плечами. – По большому счёту мне всё равно. Лишь бы люди были хорошие.

– Рад, что относитесь к этому спокойно.

– А как ещё можно относиться? – изумился я.

– По-разному. Есть такие, что с ходу кичатся: как же! «Голубая кровь», «белая кость», «элита»! Как говорится в одном известном историческом анекдоте – на самом деле всё лучшее у них в земле.

– Тогда к чему вы вообще подняли тему моего происхождения? Только не говорите, что Елисеевы – родня каким-нибудь «рюриковичам», и пришло время посадить кого-то из нас на престол. Тем более, вы просили принимать всё всерьёз...

– Что вы?! – всплеснул руками Арсений Петрович. – Столь далеко идущих планов у нас нет. Да и к Рюриковичам и тем более Романовым, вы никакого отношения не имеете.

– Слава богу! – с деланной радостью воскликнул я.

– Предлагаю вернуться к нашим баранам... Простите покорно, это я не ваших предков имел в виду, – сконфузился он.

– Я догадался.

– Вы действительно приходите из старинного русского дворянского рода. Небогатого и незнатного.

– Другими словами, наследство от внезапно умершего дядюшки-креза мне не светит? Жаль, я бы не отказался.

– Кто же от такого откажется?! Но это и впрямь не ваш случай. Поместий, заводов, газет, пароходов за Елисеевыми отродясь не водилось. Только прошу не путать с другими Елисеевыми. Те были купцами, происходили из крепостных крестьян Ярославской губернии.

– Родни в Ярославле у меня точно нет, – заверил я.

Арсений Петрович поморщился.

– Мне это известно, – сказал он.

– Ого! Я оказывается под колпаком? Кхм... Чего же такого я успел натворить?

– Не судимы, не привлекались, в базе данных из грехов на вас только парочка штрафов за переход в неполюженном месте или на красный свет.

– На работу спешил, – почему-то смутился я.

– Всё нормально! С моей точки зрения – и правоохранительные органы придерживаются такого же мнения – вы абсолютно чисты.

– Наверное, это их недоработка, – вспомнил я бородатый анекдот.

Визави деликатно улыбнулся.

– Да уж... Докопаться у нас в стране можно и до столба. Собственно, не только у нас. Однако мы опять ушли куда-то в сторону.

– Вот это меня и напрягает. Извините за неделикатный вопрос, но почему вы проявили интерес к моей персоне? Даже если предки были хоть трижды дворянами, в жилах у меня всё равно течёт самая обычная кровь. И она красного цвета, не голубого. Да и сам я ничего выдающегося собой не представляю. Высот не достиг. Точнее, наоборот: грохнулся чуть ли не на самое дно, – с горечью констатировал я.

Собеседник тихо зашуршал конфетной обёрткой. Я с трудом дождался, когда он снова заговорит.

– Скажите, а вы фантастику любите? «Машину времени» Герберта Уэллса читали?

– Отвечаю: нет и да. Фантастику не люблю, Уэллса читал. Только это было в детстве.

– Раз читали, значит, вам будет легче осознать мои слова. Дело в том, что у меня есть машина времени и, представьте себе, она работает.

Я нарочито медленно приподнялся.

– Издеваетесь?

– И в мыслях не было. Я совершенно серьёзен.

– Скажите, где спрятаны камеры? Я улыбнусь в объектив и помашу рукой. Привет родным передать можно?

– Это не розыгрыш, Иван Егорович. Скрытые камеры у меня в квартире, разумеется, присутствуют, и более того – весь наш разговор сейчас фиксируется на аппаратуру, но

это всего лишь меры необходимой предосторожности. Поймите, я совершенно серьёзен. У меня... вернее, в моей лаборатории, есть машина времени, и этот агрегат работает.

– Дурдом!

– Я вас прекрасно понимаю. Мои слова кажутся бредом, а я в ваших глазах выгляжу конченным психом, – грустно произнёс Арсений Петрович. – Но, как сказал один мудрый человек: «критерий истины – практика». И у вас будет возможность убедиться во всём лично.

– Честное слово, я сам себе удивляюсь: почему до сих пор сижу и слушаю, – покачал головой я.

– Хотя бы потому, что других дел у вас всё равно нет. Ни семьи, ни работы, ни денег... вы ведь без гроша: я правильно оцениваю ваше финансовое состояние?

– Абсолютно, – грустно подтвердил я.

– Зато я в сила разрешить некоторые затруднения. Личные вопросы останутся, уж простите, в вашей компетенции, а вот высокооплачиваемую и интересную работу могу предложить прямо сейчас. Как говорится, сходу.

– И что за работа такая?

– Желаете стать одним из первых хрононаблюдателей?

– Извините, кем?

– Хрононаблюдателем, как я и сказал. Только наблюдателем... Наша машина времени не позволяет осуществить физический перенос. Мы можем только на короткое время подключаться к реципиенту из прошлого и как бы наблюдать происходящее его глазами. При этом существует масса ограничений и первое из них: перемещения в будущее невозможны, ибо для нас его просто не существует. Второе серьёзное ограничение: нам доступно не всё прошлое, а исключительно отдельные кластеры, то есть строго определённые окна. И третье: хрононаблюдатель может подключаться к сознанию только одного из своих предков. К примеру, ни вам, ни мне никогда не оказаться в «шкуре» Александра Невского или, скажем, Петра Первого. Мне, увы, доступны краткосрочные экскурсии в тела моих родственников, обычных крепостных, редко покидавших околицы глухого села. Не думаю, что почёрпнутая мной информация много принесла исторической науке. Уж поверьте, быт тогдашних людей был весьма зауряден. Хотя кое-какую пользу всё же удалось извлечь, признаюсь. Но это так, пустяки... Особенно, на фоне тех перспектив, которые могут открыться перед вами.

– Простите, не понял.

– У вас с возможностями намного лучше. Скажите спасибо дворянскому происхождению. Восемнадцатое столетие подарило нам несколько шикарных, а главное доступных кластеров. Период этот хоть и изучен, однако изобилует белыми пятнами. С вашей помощью мы прольём свет на некоторые из них.

– Говорите так, будто я уже согласился.

– А разве нет? Неужели вы откажетесь от восхитительной экскурсии в тело вашего пра-пра-пра... даже не знаю, сколько раз «пра»! но всё же прадедушки?! Кстати, вашего двойного тёзки, Ивана Егоровича Елисеева.

Глава 2

От полкового комиссара разило табачищем и водкой столь густо, что у Ивана аж засвербело в носу. Юноша с трудом удерживался от нестерпимого желания чихнуть. Стоило ему это немало внутренних сил, хотя ажитация (как сказал бы человек склонный к наукам) проистекала преимущественно по другому поводу, и мучительные треволнения в носовой пазухе были лишь малой частью уготованных испытаний. Но сколько ни философствуй, мочи терпеть уже не было.

Если поразмыслить логически – что с того? Подумаешь, чихнул недоросль в начальственном присутствии! Конфуз, внимания недостойный.

Однако момент был ответственный, да и папенька просил вести себя, как подобает будущему гвардианусу. Достоинства не ронять, молодцеватость выказывать. Не тушеваться, стоять по струнке, глаз от начальства не отводить.

Терпи, Иван.

Хотя ощущения были таковы, будто кто-то, дразнясь, щекочет нос гусиным пёрышком.

Покуда комиссар разглядывал его с тылу (а что там глядеть-то?), Иван перевёл взор на отца. Невольно позавидовал ему и тут же устыдился мыслям, посетившим голову.

Зависть – большой грех. О том в Писании Священном сказано и сельским батюшкой на проповеди многократно толковано.

Но как удержаться ... нет, не от зависти, восхищения!

Отец высокий, статный, на полголовы выше полкового комиссара, хотя тот, будучи из гренадер, сам мужчина представительный и крупный.

Вот Ивану с комплекцией не повезло. Как был сызмальства щуплый и мелкий («чисто чижик», – говаривала порой матушка), таким и остался в осьмнадцать неполных лет. Единного вершка не прибавил за последний год. Братья и сестра давно его обскакали. Вымахали каланчей, головами потолок задевают. Никто не верит, что Иван посеред братьев и сестры – старший.

Обидно.

Да что поделаешь, коли на роду так написано и ничегошеньки от тебя не зависит? Как только Иван ни пытался вытянуть себя, что только ни делал – всё бестолку. Одна напрасная трата времени.

Сколько способов было перепробовано, вспомнить страшно. Груз к ногам привязывал, за сук древесный цеплялся и висел, пока руки судорогой не сводило. К бабке-знахарке втихомолку от отца с матерью бегал, чтобы наговор дала аль пошептала.

Не помогло.

Так и остался «чижилом».

Иван даже на цыпочки привстал. Вдруг не заметят уловку?

Комиссар обошёл его по кругу. Осмотрел со всех сторон. Велел открыть рот и зачем-то заглянул внутрь, буду в душу, удерживая подбородок толстыми, жёлтыми от табака пальцами.

«Как цыган коня выбирает», – подумалось Ивану. Было неприятно.

Отец подмигнул. Держись, сынок. Господь терпел, и нам велел.

А по самому видно, что волнуется. Вон, как губами жуёт и глазом дёргает.

Привычки и особенности отца Иван изучил досконально, и настроение его читывал, будто открытую книгу.

Есть с чего переживать папеньке: важное событие – первенца на службу государеву определяет! По такому случаю повёз на полковой двор матушки императрицы лейб-гвардей-

ского Семёновского полка для апробации и дальнейшего устройства. Очень уж хотел, чтобы сын путь его повторил. С Иванова рождения об этом грезил.

Свою карьеру начинал когда-то Егорий Савелич Елисеев простым мушкетёром ещё потешного Семёновского полка. Когда началось настоящее дело, сумел проявить себя и выбиться в люди. Отличился в баталиях со шведами, был произведён сначала в прапорщики, а потом в подпоручики гвардии. После того как война закончилась, перевёлся с повышением в Белозерский пехотный полк, где служил исправно и с отличием. Однако здоровье пошатнулось, дали о себе знать старые раны, появились и новые болячки. В груди что-то схватывало, голова начинала кружиться, спина не гнулась. Да и старость наступала неумолимым шагом, ещё не перешедшим в кавалерийский аллюр.

Геройский вояка был с честью отправлен в отставку в капитанском чине. Переехал в пожалованную за беспорочную службу вологодскую деревеньку Кадуй, где мирно жил вместе с супругой и четырьмя детьми-погодками.

Как было заведено императорским указом от 1719 года, в положенные сроки возил старшего сына в губернский город на смотры дворянских недорослей, получая вердикты один другого безрадостнее. То здоровье Ивана чиновникам не нравилось, то рост. Хвалили лишь за грамотность и способность к наукам.

Юношей, подобных Ивану, ждало распределение в армейские полки нижним чином (на выбор Военной коллегии), либо канцелярская служба в гражданском ведомстве. Неграмотных недорослей могли и вовсе в простые матросы определить.

Егорий Савелич мечтал, чтобы сын попал в гвардию. Там и карьеру сделать можно, и на виду у сильных мира сего оказаться.

Род Елисеевых богатством не блистал, знатностью не отличался. Преимущественных прав на вступление в гвардию Иван не имел. Егорий Савелич надеялся на старые знакомства, на полковое братство, на товарищей боевых, с коими в атаку на неприятеля ходил и не один пуд соли съел в походах.

Поздней весной повёз Елисеев-старший первенца в Санкт-Петербург на смотрины, надеясь, что на месте судьба сына порешается в лучшую сторону.

Прибыв, узнал у добрых людей, где нынче полковой двор семёновцев стоит. Гвардия лишь недавно вместе с императорским двором перебралась из старой столицы в новую.

Солдат и офицеров в городе было мало. Гвардейцы тёплое время года проводили в лагерях-кампанентах, постигая в полевых условиях воинские экзерциции и артикулы. Знакомых Егорий Елисеев не встретил. Чтобы не терять время (а ну как Военная коллегия сама сына распределит!), сунулся к начальству без протекции.

Решение о судьбе недоросля мог принять полковой комиссар. Из города тот не уезжал, безотлучно находился при штабе. Егорий Савелич счёл сей факт хорошим предзнаменованием.

– Коли удачно началось, удачей и закончится, – сказал он и перекрестился.

Иван лишь пожал плечами. Не лежала у него душа к солдатской службе, однако, чтобы не огорчать отца, молодой человек ни словом, ни делом не выдавал своего умонастроения.

В штаб караульные пропустили беспрепятственно. Они сразу догадались, по какому поводу прибыли Елисеевы. К подобным визитам в полку привыкли.

Чтобы умаслить полкового комиссара, Егорий Савелич, улучив подходящий момент, сунул скромное подношение – три рубля, заранее обёрнутые чистой тряпицей. Были эти невеликие деньги последней надеждой.

Полковой комиссар подношением не побрезговал. Взять взял, но носом крутить не перестал. И так, и этак оглядывал Ивана, кругами ходил, цыкал, брызгал слюной через дырку в передних зубах.

Наконец, встал напротив батюшки и зарокотал простуженным басом:

– Прости, Егорий Савелич. Ничем помочь не могу. Будь сынишка твой хоть на полсто-
лечко выше, – он развёл чуть-чуть большой и указательный пальцы, – служить ему гвардия-
нусом. А так... – Комиссар вздохнул. – Даже на левый фланг поставить срамотно. Увидит его
матушка-императрица, гневаться изволит. Зачем, скажет, такую дробь в полк принимаем? И
без того вакансий мало. Такие, Егорий Савелич, дела...

Денег не вернул.

Грустные отец с сыном вышли из полкового двора, оказались на улице.

Остановились, гадая, что делать дальше и куда податься. Редкие прохожие обходили
их стороной.

Без солдат, кои составляли немалую часть Петербурга, город казался вымершим.

– Может, к преображенцам сунемся? – спросил Ванюшка.

Егор Савелич махнул рукой:

– Коли тут не заладилось...

Иван кивнул. Он знал, что в Преображенском полку вряд ли пойдут навстречу быв-
шему семёновцу. С момента создания гвардейские полки ревновали друг к другу. Пытались
усть в мелочах и подгадить при возможности. Особенно, как не стало твёрдой руки госу-
даря Петра Алексеевича.

А новосозданные измайловцы старую гвардию и вовсе за врагов держали. Потомки
казнённых стрельцов прекрасно помнили, кто вёл их отцов и дедов на плаху, при случае
платили сторицей.

Отец задумчиво сдвинул шапку, почесал затылок. Сына необходимо пристроить, иначе
поездка будет напрасной, а терять время впустую Егорий Савелич не любил.

Внезапно отставного капитана осенило. Потрескавшиеся губы расплылись в улыбке.

Иван тут же сообразил: папенька загорелся новым «прожектором».

– Пойдём, – велел Егорий Савелич.

– Куда?

– К благодетелю пойдём, к генералу Ушакову. Должен Андрей Иванович помнить
поручика Елисеева. Быть того не может, чтобы он меня забыл!

Елисеев-старший схватил сына за руку и увлёк за собой.

– Папенька, – заговорил юноша на ходу, – а что ты мне раньше про Ушакова не ска-
зывал?

– Эх, сынок-сынок, есть вещи, которые никому обсказывать нельзя, – невесело усмех-
нулся Егорий Савелич. – Даже тебе, кровиночке моей. Свело нас когда-то поручение госу-
даря Петра Алексеевича. Было оно столь секретным, что никому о нём, кроме меня, Уша-
кова, да государя, упокой Господь его душу, знать не полагалось. Ни в какие промемории
оно не попало. Был я в ту пору столь же молод годами, как ты. Только-только прапорщика
получил...

– Успешно выполнили сие поручение? – не стерпев, перебил отца Иван.

Егорий Савелич остановился, сухо сказал:

– Не сомневайся. В полной мере выполнили.

И снова быстро и как-то сутуло склонив спину, пошёл, отчего Ивану было просвет-
ление – непростую задачку задал тогда покойный император отцу с Ушаковым. Не из тех
поручение, коими хочется гордиться всю жизнь.

За спиной кто-то весёлым голосом завопил: «Па-а-ди, па-а-ди!». Раздался страшный
грохот.

Елисеевы едва успели отскочить в сторону.

По улице, звеня колокольчиками, пронеслась карета со скачущим впереди мальчиш-
кой-форейтором (он и кричал), толстым усатым кучером и двумя лакеями в шёлковых
ливреях на запятках. Сопровождали экипаж четверо гайдуков верхами.

Вид гайдуки имели самый залихватский. В руке пика, за поясом пистолеты, сбоку сабля. Красота!

На дверях кареты был изображён герб, но Иван в геральдике разбирался слабо, и владельца роскошного выезда опознать не мог. Зато Елисееву-старшему хватило одного взгляда: – Трубецких¹ экипаж. Уж им-то указ не писан.²

Больше происшествий по пути к дому Ушакова не случилось.

В Петербурге Иван был впервые, и тут ему не нравилось. Сыро, холодно, неуютно.

Горожане подстать погоде – такие же смурные, неразговорчивые. Спешат куда-то, словом не перемолвятся. Лишь у рынка царило оживление, хотя Иван сразу отметил, что выбор небольшой и цены кусаются.

Вдоль широкого проспекта одинаковые дома – мазанки, выстроенные по одному «образцовому» проекту. Отличались они меж собой разве что цветом черепичных крыш. Вид имели непривычный, скорее полуголландский, нежели русский, потому казались несколько неместными.

По широко раскинувшейся Неве плыли одинокие кораблики и целые флотилии. Попадались изрядно украшенные судна с разноцветными парусами и флажками. Через каналы были перекинута деревянные мосты с перилами. Внизу медленно текла мутная вода.

Дом Ушакова охранялся солдатским постом. Бывший за старшего караульной команды капрал в низко нахлобученной треуголке, укутанный в зелёный плащ-епанчу, выслушав рассказ Елисеева-старшего, развёл руками:

– Генерал ещё возвратиться не изволили. Так службой заняты, что не кажинную ночь дома ночуют. Всё в делах, всё в заботах.

Солдаты закивали, подтверждая слова капрала.

– А где же он обычно пребывать изволит? – расстроено спросил Егорий Савелич.

– Ступайте в Петропавловскую крепость, ваша милость. Там и сыщете.

Пока отец разговаривал с караульными, Иван рассматривал внутреннее убранство дома Ушакова. Взгляд юноши привлекла молоденькая барышня – его ровесница, спускавшаяся по парадной лестнице. Рука в прозрачной перчатке легко скользила по изогнутым перилам.

Фигурка у девушки была грациозная, глазки лукавые, личико тонко очерчено. Её сопровождала женщина постарше. Довольно миловидная особа, но на фоне юной прелестницы совершенно потерявшаяся.

Иван поступил, как подобает галантному кавалеру: почтительно поклонился, щёлкнул каблуками порядком стоптанных башмаков.

Девушка ласково улыбнулась, сделала книксен в ответ, растопырив юбку.

Дамы ушли.

– Кто сия прекрасная молодая Аврора? – спросил молодой человек у стоявшего поблизости солдата и получил ответ:

– Вижу, у тебя губа не дура. Сия барышня – Екатерина Андреевна. Дочурка Андрея Ивановича Ушакова, штац-фрейлина её императорского величества. Да ты рот закрой, парень, – шутливо добавил солдат. – Не по твоим зубам каравай.

Иван смешался, чувствуя, что кровь приливает к лицу. Красивое лицо девушки неожиданно глубоко запало в душу. Он что-то пробурчал солдату и надолго замолк.

¹ Князя Трубецкие имеют в гербе щит, разделенный на четыре части. В первой части: в золотом поле два грифа, стоящие на задних лапах, держат передними лапами российско-княжескую шапку; во второй части герб королевства Польского: одноглавый орел с распростертыми крыльями, но в голубом поле белый; в третьей части герб великого княжества Литовского: в красном поле всадник, скачущий на белом коне с поднятым мечом. В четвертой части: в серебряном поле голова быка. Щит покрыт княжескою мантией и российско-княжескою шапкой.

² Речь идёт об указе кабинет-министра князя А.М. Черкасского от 25 января 1735-го года, запрещавшем быструю езду по Санкт-Петербургу.

Очнулся Иван лишь на мосту, ведущем к Петропавловской крепости, когда путь Елисеевым преградили рогатки и направленные багинеты часовых.

В кабинет начальника Тайной канцелярии их допустили быстро, хотя Иван поймал себя на предательской мыслишке, что войти сюда легко, а вот выйти...

Ушаков действительно признал Елисеева-старшего с первого взгляда, сам встал из-за стола, подошёл и по-дружески обнял боевого товарища.

– Говори, с чем пожаловал?

– Сын у меня, Андрей Иванович...

– Вижу, – генерал с интересом поглядел на Ивана. – Лицом вылитый ты, а вот кумплекцией...

– Кумплекцией подкачал, – согласился Егорий Савелич. – Потому и пришёл к тебе с просьбой. Помоги, ваша светлость, парня в гвардию записать. Век благодарен буду за сынишку.

Ушаков окинул парня цепким взглядом, задумчиво почесал выбритый до синевы подбородок.

– Как зовут?

– Иваном кличут.

– Всем ты хорош, Иван, да ростом не вышел. Тяжело тебе в полку придётся. Офицеры таких не любят. На смотрах спрятать подальше норовят, либо на работы какие отправят, чтобы с глаз долой был. Так ли уж нужен тебе мундир гвардиянский?

Иван сглотнул слюну и набрал в грудь побольше воздуха, но сказать не успел.

– Очень нужен, – ответил за сына Елисеев-старший.

– Подожди, капитан, – обернулся к нему Ушаков. – У парня и свой ум имеется. Пусть подумает и ответит мне, как на духу. Судьба его решается.

– Хочу служить в гвардии, – произнёс Иван.

Начальник Тайной канцелярии хмыкнул.

– Ой ли... Не ври, Ваня! У меня должность, сам понимаешь какая. Поневоле научился правду и кривду отличать... за столько-то лет. Не слышу я твёрдости в голосе твоём. Не хочешь ты в гвардии служить, а отцу об том говорить стесняешься... Или обидеть не хочешь, – проницательно заключил генерал.

Иван даже удивился: как же так, по одной брошенной фразе Ушаков раскусил его, будто орех. Воистину немалых талантов человек – Андрей Иванович. Не зря императрица его поставила покой государства и свой собственный сохранять.

– Ваше сиятельство, – заговорил Елисеев-старший.

– Брось, – приказал Ушаков. – Зачем парню жизнь калечишь? Нет в нём призвания к службе ратной. Даже мне, дураку старому, видно, а уж тебе, отцу, сам Господь сие видеть велел. Прозри, Егорий! У тебя Ванюшка, чай, не единственный сын?

– Ещё двое имеются, – с гордостью подтвердил Егорий Савелич.

– Такие же статью обиженные?

– Никак нет! Орлы высоченные, кровь с молоком! – обиделся за сыновей Елисеев-старший.

– Ну, так пусть они и идут в гвардию, а что с твоим старшим отпрыском делать, мы покумекаем. Скажи-ка, Иван, ты грамоте обучен?

– Так точно, – по-военному рапортовал юноша. – У батюшки моего в доме имел я пребывание в строгом отеческом учении, и букварь вытвердив, учён был батюшкою чтению сперва по Псалтыри, а после Псалтырь и Часослов переписал семь раз весь, а также Экзерцицию переписал семь раз всю, а по тому изволил батюшка носить мне из полковой канцелярии ордера, и пароли, и табели, и ведомости, и то всё я писал немало и твердил, и батюшка при всём том был мне наставник. И тако бывало, что от сна меня пробудив, велел

писать табели и ведомости на память тотчас. И за всякое упущение моё, а особливо за писание невнятное, чинил мне батюшка отеческое немалое наказание, и через то я науку добре возымел.

– Молодец, – сдержанно похвалил Ушаков. – А касемо писания невнятного поясни – как оное дело нонче обстоит? Пошли на пользу отеческие наказания?

– Науку, коя носит название каллиграфия, я тоже превзойти сумел.

Ушаков довольно хлопнул в ладоши.

– Вот мы и проверим. А ну, садись за стол. Бери чистую бумажку из стопы. Вот тебе перо, вот чернильница.

– Что писать, ваша светлость? – спросил юноша, присев за широкий стол Ушакова и подвинув поближе письменные приборы.

– Пиши следующее: «Под страхом смертной казни обязуюсь содержать себя во всякой строгости и порядке. Об имеющихся в Тайной канцелярии делах, а именно, в какой они материи состоят, ни с кем разговоры иметь не буду и ни при каком виде никогда упоминать не стану. Обязуюсь содержать всё в высшем секрете, ни к каким взяткам ни под каким видом не касаться», – продиктовал Ушаков.

Иван старательно, без помарок, заскрипел остро отточенным пером. Закончив, поднял голову.

– Ещё что написать?

– Дай бумагу, – протянул руку Ушаков.

Пробежался глазами по написанному, одобрительно кивнул и вернул листок Ивану.

– Ставь дату и подпись.

Не особо вдумываясь в сказанное Ушаковым, Иван поставил дату и аккуратно вывел свою подпись. Посыпал бумагу песочком, чтобы буквы не размазались, а потом тщательно смёл. Всё это время отец безмолвно наблюдал за действиями сына. Нижняя губа Егория Савелича дрожала.

Ушаков ещё раз ознакомился с написанным, похвалил Ивана за разборчивый почерк и сунул бумагу в верхний ящик письменного стола.

– Ну, Иван, сын Егориев, могу тебя поздравить с поступлением на службу. С сего дня зачисляю Ивана Савельева в штат Тайной канцелярии на должность копииста с положенным денежным жалованьем в сорок пять рублей в год, а это поболее, чем тебе бы в гвардианусах платили. Кланяйся, невежа, – весело приказал Ушаков.

Однако первым к ногам всесильного главы Тайной канцелярии поклонился отец Ивана. Ошеломлённый столь неожиданным поворотом юноша замешкался, и тут же мощная отцовская длань легла ему на шею, заставляя согнуться чуть ли не в три погибели.

Глава 3

Чья-то рука прикоснулась к моему плечу, сжала, последовал резкий толчок. Чувствительный, было больно. Зачем? Что я сделал?

Толчок вырвал меня из иной реальности, кабинета Ушакова, папеньки... папеньки?!

– Иван, очнитесь. На сегодня хватит. Да просыпайтесь же!

– А?! Что?! – Я всё ещё не мог прийти в себя и ошеломлённо моргал, не понимая, что происходит.

Наконец, зрение сфокусировалось на лице Арсения Петровича. Тот выглядел немного испуганным.

– Арсений Петрович... Вы? Что происходит, где Ушаков?

– Не волнуйтесь, всё в порядке. Вы по-прежнему в лаборатории, совершили первый прыжок в прошлое, подключились к сознанию своего предка. А Ушаков... Позвольте, Ушаков Андрей Иванович, глава Тайной канцелярии?

– Да, он. Меня, то есть моего предка пристроили к нему копиистом. Буквально только что... И всё это произошло словно со мной.

– Это нормально, – пробормотал Арсений Петрович, но как-то неубедительно.

Он вытер со лба крупные капельки пота.

– Вы, наверное, хотите пить? Обычно, когда возвращаются из «экскурса», все хотят пить. Жажда воистину нечеловеческая, по себе помню. Тут не столько физиология, сколько психология.

– Да, очень хочу. Ведро, наверное, выпил бы. И всё так реально... Не знаю, мне словами не описать. Даже как-то страшно, не верится. Будто видел сон, и в то же время это было наяву. Эх, не объяснить! – сокрушённо вздохнул я.

Арсений Петрович закивал:

– Полноте, ничего объяснять не нужно. Я тоже проходил через это, ваши впечатления и эмоции мне знакомы. А на сегодня всё, хватит. Ни о чём не думайте, езжайте домой, там хорошенько отоспитесь, а завтра часикам к десяти возвращайтесь в лабораторию. Тогда и напишите мне доклад. Ничего такого, буквально пару строчек. Исключительно ради отчётности.

Я охотно согласился:

– Вы правы, мне и в самом деле лучше домой, поспать. Но сначала воды.

И я жадно прильнул к протянутому Арсением Петровичем стакану, в котором плескалась холодная до зубовного лома минералка. Стакан у меня периодически отбирали, вновь доливая его до краёв. А я долго пил и не мог напиться.

Лаборатория профессора Орлова (это была фамилия Арсения Петровича) находилась в пригороде. Она принадлежала институту с длинным и совершенно непроизносимым названием. Скажу больше – из этого названия совершенно невозможно было понять, чем собственно занимается институт. Я смутно догадывался, что корни его произрастают из какой-то бериевской шарашки, работавшей на оборонку.

Институт с конца восьмидесятых влачил жалкое существование. Лишь в начале века произошли положительные сдвиги, однако последствия тех чёрных для науки лет до сих пор давали о себе знать: в штате в основном состояли сотрудники довольно преклонного возраста или молодые амбициозные ребята, вчерашние выпускники вузов. Людей среднего, можно сказать, «потерянного» поколения раз-два и обчёлся.

Большое начальство разъезжало на солидных служебных «Волгах». Народ побогаче – на личном авто. Остальные пользовались выделенным под нужды института автобусом, который собирал сотрудников по утрам и развозил по домам после рабочего дня.

Но сегодня меня отпустили пораньше, а это означало, что рассчитывать на казённый транспорт не приходится. Большого желания торчать на работе ещё несколько часов я не испытывал.

Такси в такую глухомань было не вызвать даже за бешеные деньги. Оставался только один вариант: доехать на пригородном автобусе. Кто-то из лаборантов услужливо подсунул мне расписание.

По всему выходило: нужно спешить. Я даже душ не стал принимать. Быстро переоделся, запихал белый халат (а как же, храм науки!) в шкафчик, закрыл на кодовый замок и пошёл на выход.

Вахтёр в «аквариуме», хоть и прекрасно помнил меня в лицо, всё равно не давал никому покинуть лабораторию без прикладывания пропуска к электронному турникету.

Ходили слухи, что скоро поставят и алкотестеры. Молодые лаборанты, привыкшие к бурным выходным, всерьёз разрабатывали способы обмана хитрой техники.

Я практически не выпивал, и меня эта проблема интересовало мало. Гораздо сильнее сейчас заботил другой вопрос: побыстрее добраться домой и завалиться спать. Чувствовал я себя неважно.

Пригородный автобус пришёл на удивление точно, тютелька в тютельку с расписанием. Пассажиров было немного: дачный сезон позади, вот со второй половины апреля народу будет как сельдей в бочке, не втиснешься.

Я прошёл к свободному месту, плюхнулся на жёсткое пластмассовое сиденье, обтянутое ржаво-коричневым дерматином, и сразу понял, что меня неудержимо клонит ко сну. С трудом вытерпел до появления кассира, отдал ему кровный полтинник, получил взамен билет (несчастливый, машинально отметил мозг, в правой половине сумма цифр больше), опустил подбородок и задремал.

Автобус подпрыгивал на неровностях (эх, дороги-дороги, когда же у нас наконец появятся нормальные, пусть не автобаны, но хотя бы не просто направления!), пассажиров подбрасывало, голова моталась вверх-вниз. Я на мгновение просыпался, недоумевающе оглядывался и снова впадал в почти бессознательное состояние. Нужную остановку не проспал только чудом.

Зашёл в подъезд, открыл дверь, едва не растянувшись на пороге. Ноги были как ватные, отказывались слушаться, словно я подарил их кому-то другому.

Сил едва хватило только на то, чтобы вскипятить чайник. Есть не хотелось, только пить.

Принято считать, что лучше всего удовлетворяет жажду зелёный чай. Я выдул полтора литра и... не напился.

* * *

Сияющий папенька, благополучно устроив судьбу первенца, удалился, спеша отвезти супруге добрую весть. Перед расставанием троекратно расцеловал сына и сказал, что навестит при первой же okazji. Иван в свою очередь обещал регулярно посылать родителям весточки. После ухода отца он остался в кабинете Ушакова ждать дальнейших определений.

О роде занятий Тайной канцелярии Елисей-младший был неплохо осведомлён из батюшкиных рассказов. Правда, о том, что бывший гвардеец сам когда-то имел непосредственное отношение к секретным делам, отец не говорил. Служба юношу не пугала. Ему хотелось принести пользу государыне-императрице и отечеству.

Благоволения генерал-аншефа не закончились. Елисеевы были в столице чужаками и крыши над головой не имели.

– Жить есть где? – в лоб спросил Ушаков, умевший вникать в нужды подчинённых.

– Никак нет, – признался юноша.

– Поселишься на фатере у Васьки Турицына. Он как раз постояльца нового ищет. Комната у него освободилась. Чтобы солдат на постой не определили, пусть лучше тебя приютит. Заодно на первых порах станет твоим ментором. Что слово сие означает тебе ведомо?

– Ведомо, ваша милость. Ментор – сиречь наставник, попечитель с языка эллинского.

– Турицын – копиист справный. Дурному не научит. Бери во всё с него пример. Ну а я скажу, чтобы плату с тебя брал божескую. Уж меня-то он послушает. – Андрей Иванович лукаво подмигнул.

Елисеев попытался поцеловать руку благодетеля, но Ушаков недовольно покачал головой.

– Брось! Ты человек нонче государственный, не челядь какая! – И руку убрал.

Через дежурного капрала вызвал в свой кабинет будущего наставника Елисеева, тот незамедлительно прибыл.

Годами Василий Турицын был немногим постарше Ивана, недавно перевалил за второй десяток. Лишь глаза выдавали в назначенном Ушаковым «менторе» человека умудрённого опытом, успевшего что-то повидать в жизни и, как водится, хлебнуть лиха.

Парика Турицын не носил, кафтан на нём был старый, давно вышедший из моды. Елисеев сразу отметил стоптанные дырявые башмаки и штопанные-перештопанные чулки. То ли бедствовал, то ли вёл «экономический» образ существования.

Ушаков представил их друг другу, сказал:

– Поручаю твоим заботам, Василий, сего выюношу. Учи его всему, что сам знаешь. И комнату ему сдай, токмо цену не заламывая. Ежели в деньгах обидишь, жди на постой цельное капральство. Уж я подсуечусь.

Василий кивнул:

– Не извольте сумлеваться, ваша милость. Турицын своего не обидит.

Он благодушно приобнял Ивана.

– Ступайте! Завтра с шести утра быть на службе, – велел Ушаков.

Молодые люди, поклонившись, покинули его кабинет.

Новоиспечённый «ментор» был доволен, что сегодня ушёл со службы пораньше. Это привело его в хорошее расположение духа.

– Пойдём ко мне, – сказал он. – Посмотришь, где я обитаю. Ну и где ты обустроишься... Ежели понравится, конечно.

– Идти далече?

– За четверть часа управимся, ежели спешить не будем. Ты как – не торопишься?

– Совершенно не тороплюсь.

– Вот и чудесно. Могу определённо сказать: тебе повезло с квартирой. Удобное место – вставать рано на службу не надобно, поспать можно подольше. И домой иной раз забежать удаётся, коли какая нужда возникнет. Ну да сам оценишь все выгоды. Ещё спасибо скажешь.

– Я и сейчас поблагодарить могу. Не подвернись ты, даже не знаю, где б ночевать пришлось.

Василий отмахнулся:

– Пустое!

Вещей при себе у Ивана было немного (кое-какие пожитки отец собирался привезти из деревни, как только сын сообщит адрес). Турицын предложил свою помощь, однако Елисеев отказался.

– Сам справлюсь. Не переломлюсь.

Они пошли смотреть квартиру. По дороге завязался неспешный разговор, из которого Елисеев заключил, что ментор – человек нрава весёлого, покладистого. Чтобы обзавестись

личным жильём, влез в обширные долги, этим и объяснялся затрапезный вид. Турицын экономил на всём, включая дрова, свечи, одежду и обувь.

В доме были две комнаты. В одной Василий жил сам, другую сдавал постояльцам. Благодаря заступничеству Ушакова, копиист был избавлен от сущего наказания петербуржцев – солдат к нему на постой не определяли.

Вряд ли на весь город набралось бы несколько десятков подобных счастливицев. Своих казарм ни армейские, ни гвардейские полки не имели, потому в зимнее время на плечи горожан ложилась тяжёлая повинность по содержанию на собственном коште служивых людей. И не было никакой возможности избежать. Надлежащие ведомства за этим следили строго. От воинского постоя страдали дома даже именитых семей.

За квартиру Турицын запросил немного. Очевидно, в его глазах угроза Ушакова не выглядела шуточной. Сговорились, что заплатит Иван сразу, как получит первое жалование. «Денег на скудность», то бишь «подъёмных», ему не выдали. Отец оставил сыну всего рубль, да и тот медными пятаками.

Василий отомкнул замок на дверях сдаваемой комнаты, пригласил рукой:

– Заходи, осматривайся. Хоромы не боярские, но чем богаты... Как тебе?

– Нравится, – сказал Елисеев, оглядываясь.

На самом деле он покривил душой. От постоянной петербургской сырости потолок покрылся пятнами плесени, с голых стен сыпалась штукатурка, деревянный пол противно повизгивал под ногами. Оконные рамы с частым переплётком света пропускали мало.

Мебельная обстановка была скудной: узкая скрипучая кровать, обшарпанный комод, письменный стол, возле которого стояли два стула с высокими резными спинками.

– Заселяешься? – спросил Турицын.

– Всенепременно, – кивнул Иван.

– Как обустроишься, приходи на кухню. Ты ведь голодный, поди? – не дожидаясь ответа, Турицын снова заговорил, а поговорить он любил:

– Кухарка аккуратно через полчаса стряпать закончит, так мы с тобой поснедаем. Время к ужину клонится. Пора чрево насытить, слава тебе Господи! Шти капустные любишь?

– Люблю.

– И я люблю до обожания. Видишь, как много промеж нас общего! Значит, мы с тобой, Ваня, задружимся, а дружба в нашем деле неопенимая вещь! Давай, жду к столу. Ты, главное, не журишь. Ко всему человек привыкает.

Турицын правильно истолковал чувства Ивана. Елисееву было непривычно. Петербургский быт совершенно не походил на спокойную размеренную деревенскую жизнь, к которой тот привык, а будущее пугало неизвестностью.

Кухарка у Турицына была наёмной. Приходила два раза в неделю, на выделенные Василием «экономные» суммы покупала продукты, приносила домой и стряпала нехитрую еду сразу на несколько дней.

Звали её Пелагеей. Росту она была высокого, формы имела необъятные и едва помещалась на крохотной кухоньке, но это не мешало ей ловко управляться с печью, горшками и ухватами.

Щи получились наваристыми, вкусными. Успевший нагулять аппетит Елисеев и сам не заметил, как опростал свою миску и тут же был вознаграждён за старания добавкой. Бездетной Пелагее худенький Иван казался совсем ещё ребенком. Она с умилением наблюдала за тем, как тот ест, смешно двигая челюстями и шевеля ушами.

После ужина на Елисеева навалилась тупая сытость. Желание говорить и чем-то заниматься пропало. Его всё сильнее и сильнее клонило ко сну.

Хозяин, заметив осоловелость постояльца, весело подмигнул Пелагее. Иногда та оставалась ночевать у Турицына и понимала его с полуслова.

– Ступайте почивать, сударь, – заговорила кухарка. – У вас глаза слипаются.

– Пожалуй, так и поступлю, – не стал спорить Иван. – Покойной вам ночи.

Он вошёл в свою комнату, разделся и упал в пропахшую сыростью постель. Ночью ему снилась полноводная Нева, по которой плыли корабли. На одном из них капитаном почему-то был его отец. Егорий Савелич, словно рыба, открывал и закрывал рот, пытаясь что-то сказать, но Иван, как ни силился, не смог разобрать слов. Ещё привиделась дочка Ушакова – Екатерина Андреевна. Она улыбалась и лукаво грозила пальчиком, будто Иван сделал что-то неподобающее, и это удивляло Елисеева ещё больше (он считал себя неспособным на неблагоприятные поступки, особенно по отношению к молодой прекрасной барышне).

В таких странных снах прошла вся ночь.

За стеной долго скрипела и качалась кровать. Спящему юноше грезилось, что это шумят снасти, переваливавшегося с волны на волну корабля.

Спозаранку Турицын разбудил Елисеева тихим стуком в дверь.

– Пора вставать, соня! На службу опоздаем.

Торопливо позавтракав, они поспешили по ещё тёмным петербургским улицам. Пелагея эту ночь провела у Турицына, потому Василий откровенно зевал всю дорогу и сонно щурил глаза.

Ушакова ещё не было на месте, заданий от него не поступало. Пользуясь свободной минутой, наставник стал показывать Ивану подведомственное хозяйство. Сначала они попали в переднюю светлицу, где на посту стоял гвардеец в высокой гренадерской шапке. Выглядел он бодро, не в пример канцеляристам.

В прошлый раз Иван не обратил внимания на странный запах, царивший в здании. Не до того было. Теперь же он явственно чувствовал, что все помещения Тайной канцелярии не просто пахли – благоухали чем-то диковинным. Запах исходил от стен, от мебели. Казалось, он вьелся в одежду, волосы и парики канцеляристов и не выветривался даже на улице.

– Ничего удивительного, – пояснил ментор. – Тут раньше аптека была. Всякими снадобьями в колбах китайских торговали. Запахи и по сию пору остались. Поначалу от них голова побаливает, а потом легче становится. Я уж и замечать перестал. Человек – скотина такая, что ко всему принаравливается.

Елисеев лишь покачал головой. Ему было страшно думать, чем пахнет в пыточной – иноземными лекарствами или людским потом, испражнениями и кровью. Но без пытки сыска не бывает.

За передней светлицей следовала секретарская. Тут были владения Николая Михайловича Хрущева, второй по значимости фигуры в Тайной канцелярии после Ушакова. Секретарь тоже отсутствовал. Ему позволялось приходить на службу с опозданием, зато домой Николай Михайлович уходил, когда на дворе было темно, хоть глаз коли.

В судейской светлице выносились приговоры тем, кого уличили в преступлениях против Бога и Государства. Турицын туда Ивана не повёл. Лишь приоткрыл дверь, чтобы Елисеев увидел большой стол, накрытый красным сукном. На столе серебряная чернильница. Возле стены зеркало в деревянной рамке. Тикали медные настенные часы. Строго глядел парадный портрет императрицы Анны Иоанновны.

– Мы тут, брат, редко бываем, – сказал Турицын. – Здесь всё больше важные господа да вельможи заседают, особливо, ежели негодяй попадётся преизрядный.

Они двинулись дальше и остановились возле нескольких маленьких конторок. Почти за каждой, поскрипывая перьями, трудился канцелярист. Одна ниша пустовала.

Её-то и заняли Турицын с Елисеевым.

– С сего дня трудиться будешь здесь, – наставительно проговорил Василий. – Я схожу в секретарскую за бумагами, а ты жди.

Вернулся Турицын с целой кипой папок. В них были черновики расспросных листов, которые копиисты переписывали, дабы придать документам надлежащий вид.

– Это тебе, это мне. – Василий принялся распределять папки. – Это тебе, это... это, пожалуй тоже мне. Не дорос ты до сего покуда. А вот сие для тебя в аккурат. Держи.

– Всё, братец, – сказал он, когда закончил, – можешь приступать.

Иван пододвинул к себе верхнюю папку из выделенных Василием, старательно очинил перо, взял стопку чистой бумаги, доверху наполнил чернильницу. Потрудиться предстояло на славу.

Глава 4

– Мне это не нравится, – тихо произнёс профессор Орлов.

– Что именно, Арсений Петрович? – удивился я.

– В последний раз максимально зафиксированное время «подселения» к реципиенту составляло около двух часов. Это был наш рекорд. Мы надеялись, что сможем увеличить это время, но плавно, небольшими шажками. Вы пробыли больше суток, ни на что не реагируя. Мы с огромным трудом вывели вас из этого состояния. Меня чуть инфаркт не хватил.

– Да, но ведь со мной всё хорошо. Я бодр и здоров как огурчик. Чувствую себя не как в первый раз, намного лучше. Нет жажды, меня не клонит ко сну, я не похож на сомнамбулу.

– Тем не менее, голубчик, вам надо обследоваться. Я уже связался с медиками.

– Арсений Петрович! Стоит ли?

– Стоит-стоит. Я несу за вас ответственность. Так что извольте завтра сдать все анализы. И строго натошак. Вот направления. Мне бы ужасно не хотелось нанести вашему организму вред. Даже малейший. Так что подстрахуемся, возьмём небольшую паузу. Не волнуйтесь, всё будет оплачено.

– Да я и не волнуюсь.

– Вот и хорошо.

Орлов одновременно с сочувствием и укоризной покачал головой.

Я не мог понять его волнений. Самочувствие и впрямь было отменным, меня просто переполняло энергией: хотелось танцевать, отжаться сто раз, крутануть на турнике «солнышко», пробежать стометровку...

Вечером позвонила сестра. Наши дорожки разошлись ещё с детства. Она была, как принято говорить, правильной. Я же считался в семье почти беспутным. Родители больших надежд не возлагали. Собственно, так оно и вышло.

Общались мы с сестрой редко, да и то больше по телефону. Зато с её сыном Женькой встречались гораздо чаще. Понятия не имею почему, но племяннику со мной было интересно. В гости заживал, с девушками своими знакомил (а они у него время от времени менялись). В кабаках с ним сидели не раз. Нормальный такой парень, умный, институт закончил, а сейчас работал учителем истории в школе. Работа ему нравилась. Дети от него были без ума.

Разговор с сестрой получился недолгим и пустым. Впрочем, как обычно.

– Как дела?

– Да нормально. Всё путём. Сама-то как?

– Ничего. Пока без изменений.

– Ну да, в наше время это, пожалуй, и к лучшему. Какая-никакая, а стабильность. У Женьки всё в порядке?

– В порядке. Тут олимпиада была по истории, городская. Так его ученик первое место занял. Женя довольный ходит.

– Я его понимаю. Есть чем гордиться.

– Ты как, на работу устроился?

– Само собой.

– Зарплата ничего?

– Больше, чем раньше платили.

– Ясно... Ну, давай, мне пора! Всего хорошего!

– И тебе того же! Женьке привет передавай.

– Обязательно.

В трубке короткие гудки. Вот и поговорили.

Назавтра я был в частном медицинском центре, где сдал целую кучу анализов. Врачи ощупывали меня, проверяли на разной хитрой аппаратуре, делали непонятные снимки. В итоге сошлись во мнении, что я полностью готов к труду и обороне, хоть сейчас в космос.

Осторожничавший Орлов всё равно дал три дня отгулов. Я добросовестно провалялся в постели, тупо пялясь в зомбоящик и переключая каналы: надо же, их у меня сто штук, но смотреть нечего!

Возвращение к работе было воспринято мной как большой праздник. Я ужасно соскучился по своему пра-пра и так далее дедушке.

* * *

Некоторые из допросных листов были написаны неразборчиво (видимо, следователи заполняли второпях), в таких случаях Елисеев обращался за помощью к Турицыну. Тот подносил бумагу к свету, тщательно всматривался, а потом пояснял, что и как надобно изложить, чтобы было правильно.

Оформлялись документы просто и в то же время наглядно. Вопросы полагалось писать в левой части страницы; то, что отвечал допрашиваемый – справа напротив. Таким образом, у того, кто читал, в голове складывалась полная картина допроса.

Поначалу Иван мало вникал в смысл написанного, хоть и понимал, что за каждой бумагой боль, кровь, а может, и жизнь. Он знал, что у каждого есть своя голова на плечах и порой нужно хорошенько подумать, прежде чем что-то сказать и уж тем более сделать. Никто никого за язык не тянет.

Его больше волновал собственный почерк, он старался не посадить лишнюю кляксу, не сделать досадную опisku. Кстати, один из черновиков как раз и касался подобного недоразумения. Некий Семён Сорока умудрился в доношении Сенату назвать первого российского императора «Перт Первый», за что и был сечён кнутом³. Прочитав обстоятельства дела, Иван не удержался от ухмылки, но потом призадумался. Ошибиться по недосмотру легко, особенно в конце дня, ибо бумаг на столе меньше не становилось, а рука уже отваливалась от усталости. Но Турицын таскал от секретаря всё новые и новые папки. Казалось, им несть числа. Они загромождали стол, лежали на подоконнике, копились на полу, будто пыль.

Каждый шаг, каждый чих подробно расписывался и сопровождался массой деталей. Всё это необходимо переписать набело, чтобы на следующий день Ушаков ознакомился с материалами и лично, не доверяя никому, подшил в особые папки, предназначенные для «вечного» хранения. И каждая определяла чью-то судьбу.

Одних ждала дыба, других – колодки и Сибирь. Отъявленный злодей мог познакомиться с крюком под ребро или колом под зад, допрос вёлся с подвешиванием на дыбе, способов казни было великое множество от бесхитростного усекновения головы до заливания горла раскалённым свинцом, каковое обычно применялось к фальшивомонетчикам. Но столь суровые приговоры встречались нечасто. Обычно по мелкой вине провинившегося вразумляли кнутом и отпускали на все четыре стороны. Ушаков без надобности жестоких мер не применял.

Тускло падал свет из маленьких, заделанных решетками оконцев. Въевшийся в каждую пядь пространства запах лекарств щекотал ноздри и заставлял болеть голову.

В полдень Иван с Турицыным вышли во двор. Василий раскурил трубочку с крепчайшим табаком, от дыма которого ело глаза, взглянул на высоко взгромоздившееся солнышко и с дружеской улыбкой произнёс:

– Что, брат Елисеев, тяжело?

³ Случай из реальной истории.

Иван кивнул.

– Неужто каждый день эдакая прорва работы? Я уж совсем запыхался.

– Имей терпение, – усмехнулся Турицын. – Дел накопилось. Мы ведь всё ещё походной канцелярией считаемся. Только недавно из первопрестольной в Питербурх перебрались. Вот дела-то и множились. Ничего, мы их подраскидаем, а потом будет проще.

– Скорей бы.

– Сие от нас с тобой в немалой мере зависит. От усердия нашего. Пусть дух твой, как тесто на пшеничной опаре поднимается, ибо ждут нас с тобой дела в превеликом множестве.

Дверь распахнулась, в неё высунулось конопатое лицо канцеляриста, сидевшего в соседней конторке.

– Турицын, Елисей, ступайте к господину секретарю. Их милость зовёт.

Надо же, подумал Иван, фамилию мою уже знают, хотя никому из будущих товарищей Елисей ещё не представлялся.

– Господи Иисусе Христе, сыне божий, помилуй нас, – забормотал под нос Турицын.

– Ты чего? – удивился Елисей.

– Чего-чего, – передразнил Василий. – Чичас узнаешь. Неспроста нас к себе господин Хрущов зовёт.

Иван, не знавший за собой никакой провинности, в секретарскую зашёл не робея. Коли позвали, знать, на то дело есть.

Господин секретарь степенно попивал чай вприкуску. Пил вкусно, так что другим хотелось. Завидев стоящих на пороге Турицына и Елисеева, важно кивнул.

– Заходите.

Чаю копиистам предлагать не стал.

Секретарь Тайной канцелярии Николай Хрущов, по фамилии судя, происходил из малороссийских дворян, внешностью олицетворяя довольно распространённый в тех краях типаж: широкое смуглое лицо, изрядная лысина на непокрытой париком голове, пухлое, слегка бочкообразное тело с могучими руками и не менее могучими ногами. Глаза синие, пронзительные.

Копиисты встали напротив него навтыжку, будто солдаты. Критически осмотрев и того, и другого Хрущов наконец произнёс:

– Ко мне человек приходил. Сказывал, что Федьку Хрипунова видел.

– Где, ваша милость? – не выдержав, спросил Турицын.

Ноздри Хрущова недовольно задрожали.

– Погодь, не перебивай. В мастеровые наш Хрипунов подался, дорогу камнем мостит. Даю вам обоим поручение – Федьку сыскать и ко мне привести. На всё про всё сроку отпускаю до вечера.

– Ваша милость, солдат дадите? – жалобно спросил Турицын.

– Солдат не дам. Сие наш позор, нам его расхлёбывать, других не вмешивая, – грозно сказал секретарь. – Да и вам не всё бумажки перекладывать.

Над городом лениво проплывали серые чугунные тучи. Турицын медленно брёл по улице, старательно обходя лужи и конские яблоки. Иван, понятия не имевший, куда и за кем их отправили, шёл чуть поотстав. Товарищ и учитель его не был расположен к разговорам. На вопросы отмалчивался, только хмурил брови и ничего не говорил, даже не оборачивался.

Наконец, Елисей обогнал его и встал на пути, перегородив дорогу.

– Дай пройти, – сквозь зубы прошипел Турицын.

– Обязательно, – согласился Иван. – Токмо объясни, чего ты как в воду опущенный?

– А чему радоваться? – зло бросил Василий.

– Ты меня спрашиваешь? – удивился Елисей.

– Ладно! – сдался его наставник. – Не по душе мне поручение Хрущова. Боязно.

– Чего бояться-то?

– Нрав у Федьки горячий. Не ровён час – прильёт, когда за ним явимся. Он такой, он может.

– Живы будем – не помрём, – отделался скороговоркой Елисеев. – Чего кликушничать?

– Ты его просто не видел, вот и храбришься. Мы супротив него всё одно, что две сопли. На одну руку положит, другой прихлопнет. Мокрого места не останется.

– Что, весь из себя Соловей-разбойник и сладу с ним никакого?

Турицын взял собеседника за грудки, подтянул к себе, потом опомнился, разжал пальцы, стряхнул с кафтана Елисеева несуществующие пылинки.

– Я, братец, Хрипунова не один год знаю. Мы с ним ещё в Москве в Преображенском приказе вместе начинали.

– Так он что – из наших? – ахнул Иван.

– То-то и оно, что из наших, – вздохнул Турицын. – По штату числится подканцеляристом. Всё бы ничего, но имеет страсть чрезмерную к питию хмельного вина. Через то службой и поплатился. Загулял на несколько дней, в присутствие не пришёл. Испугался, что Андрей Иванович ему ушедраие престрогое сделает, пустился в бега. А теперь видишь, что сказывают – дорогу мостит.

– Пусть придёт, покается. Повинную голову меч не сечёт.

– Енто смотря, чей меч. Да и не так легко Хрипунова уговорить. Силой его точно не возьмёшь. Жаль, что Хрущов солдат не дал. Не хочет сор из избы выносить. А как мы будем управляться, не его, дескать, забота.

Как выяснилось, не такой уж и большой Петербург оказался. При желании за несколько часов обойти можно. Копиисты тащились и широкими проспектами, и задворками не брезговали. Искали везде: у двorcов, у домов знатных, у баракoв.

Несколько раз попадались рабочие и солдатские команды, занятые нехитрым, но важным делом – мощением городских улиц. Турицын тщательно вглядывался в лица людей, но искомого Федьки Хрипунова углядеть не мог. Как сквозь землю провалился! Может, почувал, что за ним охота идёт, пусть охотнички и были неважными: того, кого ищут, опасались.

Удача улыбнулась копиистам поздно вечером, когда те совсем было отчаялись. Обоим не хотелось представлять перед грозными синими очами Хрущова с пустыми руками, хотя неведомый Федька Хрипунов страшил Ивана ничуть не меньше. Впрочем, был у Елисеева в колоде один козырь, о котором он никому, кроме родителей своих, не рассказывал.

Дюжина мужиков в сермяжных грязных кафтанах, суконных портах, шапках набекрень, укладывала булыжники возле свежепостроенного богатого особняка.

Наблюдал за работниками важный господин в шёлковом, расшитом серебром камзоле. Время от времени господин промакивал лоб большим, похожим на скатерть платочком и ругался.

Василий схватил Ивана за рукав, горячо прошептал на ухо:

– Вот он, Федька-то!

– Где? – заозирался Елисеев.

– Худющий такой, высокий... Видишь?

Взгляд Ивана ненадолго задержался на худом длинном человеке, ловко орудовавшем большой деревянной «бабой» в одиночку. Сразу стало ясно – силушка у него действительно имеется. Другие работники подымали инструмент вдвоём-втроём, а этот махал, будто пёрышком.

– Что будем делать?

– Сначала поговорим, а там посмотрим, – с напряжением в голосе ответил Турицын.

Длинный так увлёкся работой, что не замечал ничего вокруг. Договорившись с важным господином (это был помощник городского архитектора), чтобы тот позвал к себе Хрипунова, копиисты спрятались за оградой, и вышли, когда Фёдор откликнулся на зов.

Узнав Турицына, беглец недобро насупил брови.

– Нашли таки...

– А ты как думал? – по праву старшего выступил Василий. – Чай, не иголку в стоге сена искать. Занятие привычное.

– И что со мной делать думаете? – ещё сильнее насупился длинный.

– К Хрущову доставим, а уж он и порешает.

– Давайте договоримся – вы меня не видели, я вас знать – не знаю. Разойдёмся, как в море-окияне корабли, – предложил Хрипунов.

– Не пойдёт. Нам без тебя возвращаться не след. Шёл бы ты, Фёдор, с нами, подобру-поздорову, а не то...

– Что? – Хрипунов угрожающе повёл мускулами, и голос Турицына сразу убавил в твёрдости.

– Не дури, Федя. Тебе же лучше будет.

Глаза Хрипунова налились злобой, он с силой оттолкнул от себя копииста:

– Брысь отсель!

Турицын, не устояв на ногах, повалился задом прямо в грязь. Помощник архитектора опасно отскочил в сторону (а ну как подвернётся под горячую руку!). Рабочие, побросав кирки и лопаты, исподлобья наблюдали, не вмешиваясь.

Хрипунов развернулся и размашисто пошагал по улице, даже не оглянувшись. Турицын беспомощно поводил глазами по сторонам, убедился, что подмоги ждать неоткуда и, кряхтя, встал. Вид у него был как у побитой собаки.

Иван, которому надоело оставаться безучастным, решительно двинулся за Хрипуновым.

– Постой, Ваня! – крикнул Турицын. – Он же скаженный! Зашибёт – не заметит.

– Меня заметит, – весело отозвался Иван.

Он ускорил шаг и оказался перед Хрипуновым.

– Фёдор, побойся Бога!

– Уйди, тля! – двинул всем телом беглый канцелярист, и Елисейев кубарем полетел на землю, однако резво вскочил и снова оказался перед Хрипуновым.

– Христом заклинаю, пошли с нами, Фёдор. Самому легче будет.

– Вот приставучий!

Могучий кулак Хрипунова поднялся в воздух, но Иван не дрогнул и упрямо стоял, разглядывая беглеца снизу вверх.

– Всё... Сам напросился! – Фёдор ударил.

Бил вполсилы, чтоб не лишиться упряма жизни. Было видно, что тот – недоросль, в сущности, дитё неразумное. Но уж коли родители не научили, пусть жизнь поучит, пусть даже в лице Хрипунова.

И тут дитё его удивило. Упрямый копиист чуть вильнул в сторону. Буквально всего ничего, но этого хватило, чтобы он уклонился от удара.

Кулак просвистел в опасной близости от Ивана, но всё равно – мимо.

– Блоха! – восхитился Хрипунов. – Вёрткий!

Он снова ударил. На этот раз в полную силу, старательно метя в лицо. Однако копиист снова увернулся.

– Устанешь, дядечка, – засмеялся Иван.

Хрипунов разозлился не на шутку, как не злился давно. Дважды он бил, и всё впустую. Фёдор же привык всё делать с одного раза. В битвах стенка на стенку он играл роль тарана,

проламывающего оборону другой стороны. Какого бы бойца против него не ставили, Хрипунов всегда лишал того чувств, действуя нагло, нахрапом, без особой жалости. А тут какой-то мелкий, хоть и пряткий. Настоящая блоха... И эта блоха до сих пор на ногах, скачет, издевается. Поймать её и раздавить!

Лицо Хрипунова приобрело багрово-свекольный вид. Давненько над ним не насмехались. Прежде те, кто пробовал поступить с ним столь опрометчиво, быстро теряли добрую половину зубов. Порой кулак Фёдора ещё и крушил рёбра, если обидчики урока не понимали и вели себя неподобающим образом.

– Погодь, малый, – ласково попросил он.

У других от такой «ласки» кровь стыла в жилах.

Вертлявый молодчик был не из пугливых.

– Да ты передохни, дядечка, а я так уж и быть, постою, – снова нагло повёл себя копист.

И откуда в столь тщедушном теле такой дух! Хрипунов слегка зауважал юного наглеца. Не повезло парнишке со сложением, иначе был бы достойным поединщиком, с которым схватиться не зазорно.

– Может, лавку принести? А то совсем запыхамшись стоите. Что скажете, дядечка, сбегать?

– Ах, мелюзга проклятушая! Погоди...

Хрипунов, будучи матерым бойцом, пошёл на хитрость – сделал вид, будто бьёт правой рукой, противник повёлся на «финт», дёрнулся, теряя из виду дальнейшие действия беглого канцеляриста. Торжествующий Фёдор, думая, что всё, что поймал неопытного юнца, врезал левой рукой, рассчитывая приложить, как следует – по темечку. Дюжим, не в пример этому наглецу, мужикам подобного удара хватало, чтобы с копыт долой.

И тут Хрипунова ждал негаданный сюрприз. Беглец так и не понял, почему его тело провалилось вниз, что за странная сила поволокла вперёд, потом крутанула и бросила оземь. Крепкая голова беглеца пришла в соприкосновение с кучей булыжников, приготовленных для мощения дороги. Искры посыпались из глаз Фёдора, и сразу же белый свет померк в его очах.

Донельзя растерянный Турицын подошёл к широко раскинувшемуся телу беглого канцеляриста. Странно посмотрев на спокойно стоявшего подле Ивана, спросил дрожащим голосом:

– Ты что – Фёдора совсем живота лишил?

По отчаянному виду было видно: Василий перепуган не на шутку, причём не ясно, от чего больше – того, что Хрипунов мог испустить дух, или того, что недавний знакомец вдруг открылся с новой неожиданной стороны.

– Очухается твой Фёдор, – строго молвил Елисеев.

Глава 5

Фельдшер, прибывший на машине «Скорой помощи», обескураженно развёл руками:

– Ничего не понимаю. Он что, спит?

– Со стороны это выглядит именно так, – мрачно кивнул профессор Орлов. – Но боюсь, что всё значительно серьёзней.

– Летаргический сон? – усмехнулся фельдшер.

– Вроде того, – задумчиво протянул Орлов.

Так и не пришедшего в сознание пациента увезли в одну из крупнейших клиник, специализирующихся на проблемах головного мозга.

* * *

С куртага семья князя Малышевского вернулась во втором часу ночи. Наскоро поужинав (закуски на куртаге подавали умеренные, только-только, чтобы у гостей брюхо не сводило), легли почивать: князь с супругой дражайшей в спальне, обе засидевшиеся в невестах дочери в своих светёлках.

На улице забрехал цепной пёс. Кто-то настойчиво заколотил в калитку и принялся кричать:

– Немедленно откройте!

По дому забегала-заохала проснувшаяся прислуга: дворовые девки, горничные, бабки-приживалки (княгиня питала к ним почти болезненную страсть – привечала сразу четырёх старушек – божьих одуванчиков).

Князь, взяв в руки заряженный охотничий штуцер, пошёл к калитке. За его спиной прятался лакей Прошка, державший в руках горящий подсвечник – других мужчин этой ночью в доме не было.

Жена и дочери пугливо поглядывали из окон.

– Кого нелёгкая принесла? – рассерженно рявкнул князь.

– Открывайте! Государево слово и дело.

Прошка охнул. Чем же его благодетель мог прогневать Тайную канцелярию?! Грехи за душой у князя водились (о многих лакей знал не понаслышке), но чтобы «Слово и дело»... Ужас какой!

Малышевский, провозившись с затвором, открыл. В подворье ворвалось трое: два солдата со шпагами наголо и статский чин в чёрном плаще, треуголке и в машкерадной маске на лице. Видимо секретные причины заставляли его скрывать свою наружность.

Князь глядел на неожиданных гостей во все глаза, но ни единым признаком не выдал своего волнения.

– Кто будете и по какому поводу?

Статский подал ему свиток, чинно промолвил:

– Извольте прочесть. Тут всё изложено.

Малышевский развернул бумагу, близоруко сощурился:

– Прошка, посвети. Быстрее, стервец!

Лакей подошёл ближе, приподнял подсвечник и, стоя в такой позе, пытался заглянуть за спину хозяину.

По мере чтения князь мрачнел сильнее и сильнее. Закончив, вернул бумагу статскому, обиженно прошлёпал губами:

– Обыск?! У меня обыск?!

– Точно так, – отковырял человек в маске и убрал свиток за пазуху. – Приказано приступить к обыску незамедлительно.

– Я... я буду жаловаться! Самой матушке-императрице отпишу... Я во дворец вхож. Малышевских по всей России знают, – забормотал князь. – Сие – чудовищная ошибка! Я ни в чём не виноват.

– Виноват – не виноват, меня это не касается, – повёл плечами статский. – Благодарите Господа, что выдано предписание лишь на обыск, а не на ваш арест. Хотя, всё будет зависеть от того, что найдём. Может, ещё вместе прокатимся до Петропавловской крепости.

Он зловеще улыбнулся. И от этой улыбки у князя Малышевского, который когда-то брал штурмом Азов, а под Полтавой по колено в крови стоял, едва не подкосились ноги.

– Вашескородие, – обратился один из солдат, – прикажете начать?

– Давай, братец, – распорядился человек в маске. – Ищи любую компроментацию.

Последнее слово он выговаривал по слогам.

Солдаты вихрями влетели в тёплые сени, застучали башмачищами по лестнице, поднимаясь в людское. Князь, как был – домашнем архалуке, тапочках и ночном колпаке, медленно опустился на колоду для рубки дров.

– Что же такое на свете белом деется? – жалобно проблеял он.

А из дома уже слышался стук переворачиваемой мебели, треск вышибаемых дверей, грохот разбитой посуды и женский визг, переходящий в истерику.

– Простите, сударь, – вежливо отковырял статский. – Я должен подняться к моим людям, не то натворят делов.

– А я? Мне что делать? – потерянно спросил князь.

– Оставайтесь здесь, никуда не уходите. Надеюсь, я могу положиться на ваше слово, и потому не буду оставлять подле вас караул?

– Не убегу, обещаю, – робко сказал Малышевский. – Только не губите, милостивый сударь.

Человек в маске сдержанно кивнул и пошёл в дом, где уже вовсю шёл обыск. Солдаты, не зная усталости, обшаривали особняк Малышевских сверху донизу, ничем не гнушаясь, разве что под юбки женщинам не лезли.

Почему-то более всего их интересовал не кабинет, в котором стояло бюро с крепкими замками, где хранились бумаги (ключей от бюро не спрашивали, замки не сбивали); не широкие полки дубовых шкафов, ломящиеся от книг, а содержимое кошельков да шкатулок с драгоценностями князя, его супруги и дочерей. Вот только испуганные до смерти хозяева смогли осознать не сразу. Далеко не сразу.

Давно уже закончился обыск. Не найдя крамолу, но наведя немалого страху, солдаты и статский удалились, унеся несколько узлов, в котором брэнчало и звенело богатство семьи Малышевских, дедами и прадедами нажитое.

Князь пил у себя в спальне сердечные капли, выписанные немецким лекарем, а потом долго молился перед старинными образами, вознося благодарность Господу, что всё обошлось благополучно, что его не заарестовали и не повезли в крепость.

Рядом тихо плакала и молилась жена, а за стеной в четыре ручья ревели дурёхи дочери.

Глава 6

Связанного по рукам и ногам Хрипунова они положили на телегу, временно реквизировав её у рабочей артели, мостившей дорогу. Услышав, что повозка требуется для нужд Тайной канцелярии, мастера помогли загрузить беглеца.

Не спеша тронулись. Телега грохотала и подпрыгивала на недоделанной мостовой. Помощник архитектора и артельщики долго смотрели ей вслед.

Фёдор успел оклематься. Лежа на спине, смотрел в затянутое облаками небо и зачем-то ухмылялся.

– Чего лыбишься? – спросил Турицын, шедший сбоку.

Ухмылка пойманного сбивала с толку. Не с чего Хрипунову было радоваться. Впору унынию предаваться.

– Больно ловко меня малец твой приложил, – признался Фёдор. – Как его кличут?

– Иван Елисеев. С сего дня копиистом в Тайной канцелярии служит. Веди себя прилично, не то он ещё какой-нибудь кунштюк на тебе спробует, – пообещал Василий.

Сам же герой происшествия шёл молча, скромно потупив взор. Будто и не было поединка, который произвёл на невольных зрителей столь неизгладимое впечатление.

– Меня только батька мог боем бить, да и то, покуда мы с ним ростом не сравнялись, – с задумчивым выражением произнес Хрипунов. – А уж потом, как подрос я, никто со мной более потягаться не мог. Ни разу поражения не терпел. Думал, что до самой старости не потерплю.

– Тебе до старости ещё дожить надобно, – вздохнул Турицын. – После твоих вытворений, спустит с тебя Хрущов три шкуры. А то и сам Ушаков...

– Может, обойдётся? – слабо веря в свои слова, предположил беглец.

– Не обойдётся. Дров ты наломал много, Федя, – заверил Василий.

– Не так уж и много.

– Погодь, – словно очнувшись, сказал Иван.

Он склонился над связанным.

– Фёдор, хочешь, чтобы всё обошлось?

– Спрашиваешь, – криво усмехнулся тот. – Одно не пойму – к чему спрашиваешь?

– Мы тебя развяжем, а телегу отпустим. Только дай слово, ерепениться не станешь и пойдёшь с нами по-хорошему.

– Слово-то я дам, не жалко. Токмо как с дракой быть?

– Дракой? Какой ещё дракой? – сделал удивлённое лицо Елисеев. – Не было ничего. А ежли и было что, так мы с Василием давно уже позабыли. Правду я говорю, Василий?!

Турицын кивнул.

– Истину глаголешь – забыли.

– Видишь, Фёдор, ничего не было и быть не могло, – продолжил Елисеев. – Как в крепость приедем, ты в ножки их скородию господину Хрущову упади, да покайся. Авось, ничего тебе не будет. Пройдёт гроза мимо. С кем не бывает...

– Христом-богом клянусь, так и сделаю, – затряс головой Хрипунов. – А я добро помню, и то, что выручить меня хотите, не забуду вовек.

Хрущов принял его неласково. Даже сквозь закрытые тяжёлые двери секретарской было слышно, как бранится и топает ногами Николай Иванович. Разве что стёкла в окнах не дрожали.

Все бывшие в тот момент в присутствии канцеляристы, вскинув головы, вслушивались в громы и молнии, которые метал секретарь в нерадивого подчинённого. Наконец, отбушевало. Наступила тишина.

Иван вскинул голову. Возле их конторки стоял Хрипунов, комкая в руках мужицкий колпак.

– Обошлось, – умиротворённо произнёс он.

– Совсем-совсем обошлось? – спросил Елисеев.

– Можно сказать, что совсем-совсем. Одной трети жалованья за сей год лишили, да велели десять плетей всыпать в назидание. Пойду к кату договариваться, – подмигнул Хрипунов и ушёл.

– Зачем ему с кату договариваться? – спросил Елисеев у Турицына.

Тот засмеялся.

– А как иначе?! Рукомесло палаческое – особое. Любое наказание так повернёт, что оно каким хочешь боком выйдет. Кат, коли будет у него такое желание, детину навроде Федьки с десятка ударов до смерти заперет. А может так всыпать, будто и не били вовсе, а токмо погладили, хотя любой, кто экзекуцию сию узрит, посчитает, что лупили со всей силы, ажно мясо по углам летело.

Смотреть экзекуцию выгнали всех свободных канцеляристов. Как сказал Хрущов – в назидание. От стыда подальше «вразумляли» не на улице, а в нарочито отведённых покоях, без лишнего глаза.

Хрипунов обнажился по пояс, лёг на широкую лавку, закусил зубами нарочито изготовленную палку. По ухмылке на Федькиной роже Ивану стало ясно – с кату они сговорились.

Пришёл заплечных дел мастер Максимка Окунев – палач бывалый, многоопытный, разодетый, будто боярин. Вытащил из ушата с водой плётку о двух хвостах, повертел-покрутил в руках, проверяя справен ли инструмент.

– Жги, не тяни душу, – велел присутствовавший при наказании секретарь Хрущов.

Зрители инстинктивно подались назад. Свистнула, рассекая воздух, плеть. Дёрнулся, замычал Хрипунов, на голой веснушчатой спине его появились первые кровавые отметины.

Иван сам не понял, как зубами заскрипел: хоть не его били, но даже смотреть было больно.

– Поделом разбойнику. Жги ещё! – приказал развеселившийся Хрущов.

Кат вошёл в раж, взмахнул рукой. Ударил плетью, потом ещё и ещё. Задрожал, застонал от боли наказуемый.

– Четыре было, шесть осталось, – отсчитал секретарь.

Плеть с резким шлепком впечаталась в кожу, обагрилась кровью.

– Пять. Лупи, да покрасивше.

Максимка вскинулся, ударил по-хитрому, с вывертом. Федька от боли выпучил глаза и ненароком выронил изо рта палку. Иван подобрал её, помог несчастному снова закусить «кляп». Тот благодарно кивнул.

Отсчитав положенные десять ударов, кат убрал плётку в ушат. К распятому на лавке Хрипунову подсел маленький сухонький старичок – лекарь Мартин Линдвурм. Он протёр спину мокрой тряпицей и накрыл холстиной.

– Ему отшен нужен покой. Фюнф ... пять минутен. Пошалуй, шуть-шуть больше, – на ломаном русском произнёс лекарь.

Канцеляристы вышли из комнаты. Остались только Елисеев и Турицын.

Иван склонился над неподвижно лежавшим Федькой. Тот даже стонать перестал.

– Что, тяжело было?

Тот поднял голову, задорно посмотрел на Елисеева.

– Терпимо, вьюноша, терпимо. Ласково Максимка со мной обошёлся, но вдругоряд сказал, жалеть не будет – кожу на ремни распустил. Он такой, врать не станет.

– А Хрущов не догадался, что вы с кату сговорились?

– Может, и догадался, но как докажешь?

Хрипунов неожиданно легко приподнялся, сел на лавке, укутавшись в холстину.

– Выпить бы сейчас, – мечтательно произнёс он.

– Валяй, пей, – кивнул Турицын. – Хрущёв тебе ещё десяток плетей пропишет.

– Токмо оно и держит, – согласился наказанный. – Но пить всё равно хотца. Сегодня после службы веду вас в кабак. С меня причитається.

– Ещё как причитається. У тебя деньги-то хоть есть? – спросил Василий.

– Найду, – пообещал тот и встал на ноги, хрустнув суставами.

Слово сдержал. Вечером они отправились в давно облюбованный кабак. Пошли вчетвером – Хрипунов не мог не пригласить палача, по чьей милости не валялся нынче больным, а ходил на своих двоих да припрыгивал.

Пока добирались, всё больше молчали каждый о своём. Не будь с ними Максимки Окунева, Иван обязательно спрашивал бы канцеляристов про житьё-бытьё, о том, чего нужно бояться, а чего не стоит. Не зазорно опыт чужой перенимать.

Присутствие ката его стесняло. Человек он вроде порядочный (взял да помог Хрипунову, причём бесплатно), но всё ж незнакомый.

Сели за один стол, заказали выпить, и закусить. Брали что попроще да подешевле. Денег с собой у Хрипунова было самую малость.

Иван сразу сказал, что хмельного в рот не возьмёт, с детства такой зарок себе дал. Федька в ответ повёл плечами:

– Смотри, паря. Нам больше достанется.

Народу в кабаке было полно – яблоку не упасть. Разный люд пришёл сюда сегодня усы и горло промочить, но больше всего было матросов: находился кабак вблизи от гавани. Тихо пить те не умели. Надирались, горланя песни, а по углам то и дело вспыхивали мелкие потасовки, которые пока что гасились твёрдыми кулаками кабатчика и двух его откормленных (кровь с молоком) подручных. Они же следили, чтобы никто не расплатившись на улицу удрать бы не смог.

Турицын и Хрипунов с удовольствием раскурили трубочки. Кат не был большим охотником до этой забавы, Иван так и вовсе не жаловал.

Подносчики расставили на столе заказанную водку и немудрённую закуску. Голодный с самого утра Елисеев оглядел блюда, сделал выбор и принялся уплетать принесённую рыбу и хлеб. Быстро наевшись, довольно погладил живот, убрал ноги под лавку.

Хорошо. И спешить некуда. Никто дома не ждёт, выволочку не обещает.

Жить можно, хоть и непривычно без папеньки с маменькой.

Прилично «клюкнувшего» Окунева потянуло на разговоры. Поискав глазами собеседника, выбор остановил на Василии. Тот сидел подбоченившись и перебирал рукой квашеную капусту в широкой миске.

– Как думаешь, ремесло моё полезное или нет?

– Полезное, – важно кивнул Турицын. – Без ката ни допросить как положено, ни наказать заслуженно. Без палача, что без рук.

– Коли так, скажи, почему ремесло моё, для общества столь полезное, так ценится низко?

– С чего бы низко? – удивился захмелевший не меньше ката Турицын.

– А ты посуди сам. Тебе вот какое жалованье положено?

– Сорок пять рубликов в год, – икнув, сообщил Турицын. – За старание могут и больше доплатить.

– Видишь, – протянул палач, раздув ноздри. – А мне всего восемь рублей платят. Справедливо?

Василий помотал головой.

– Несправедливо, Максим. Ой, как несправедливо.

– И я так думаю. Не уважают нас, катов. Из всех канцелярий у вас жалованье самое большое. А у нас? Я раньше в Вышнем суде служил, получал там дюжину рублей в год, да еще два четверика муки и гарнец крупы в месяц и два фунта соли в год. Теперь только деньги, да и тех на четыре рублика меньше.

– Так вы бы, дядя Максим, с Ушаковым бы поговорили. Обсказали бы ему, что и как, – предложил Иван.

– Не поможет, – вздохнул палач и загрустил сильнее.

– Врёшь ты, – вмешался Хрипунов. – Платили тебе не двенадцать рублей, а десять всего. Сам рассказывал. Забыл что ли? – Он дружески толкнул ката плечом. – Хватит, дружище, тосковать. Давай лучше душу окропим.

Он снова разлил водку по граненым стаканам.

Глава 7

После кабака всей компаний пошли к Турицыну. Там от нечего делать (хмельного Василий дома не держал) разыграли несколько партеек в «карноффель»⁴. Ивану, как новичку, в картах везло. Хорошо, играли не на деньги, иначе бы Елисеев раздел трёх партнёров догола.

У Турицына же и остались ночевать.

Утром у всех, кроме Ивана жутко болела голова, гостеприимный хозяин лечил страдальцев капустным рассолом. На службу прибыли вчетвером, слегка пошатываясь от утренних порывов ветра.

Палач сразу ушёл отсыпаться. Надобности в нём сегодня не было. Допросы с пристрастием в Тайной канцелярии велись далеко не каждый день.

Хрипунов умел спать с открытыми глазами. Как сел в позе филина, так и остался сидеть, вытаращив зенки в стену напротив. Будто о чём-то задумался.

Турицыну, хоть это и была его обязанность, не хотелось показываться секретарю, и он вместо себя отправил Елисеева.

– Сходи, брат. Сделай милость. А то мне с такой рожей к нему лучше не соваться. Вот к полудню оклемаюсь, тогда и...

Договаривать не стал.

Хрущов был не один. На его стуле расположился Ушаков с донельзя озабоченным видом и что-то объяснял, жестикулируя. Секретарь внимал каждому слову всесильного главы Тайной канцелярии (разве что в рот не глядел), и время от времени делал пометки в большой книге, похожей на амбарную.

При виде Елисеева они странно переглянулись, будто о чём-то договариваясь, затем Андрей Иванович деловито кивнул. Тусклая мина с его лица разом исчезла.

– Вот что, Елисеев, сам Господь тебя сегодня послал. Сослужи-ка нам службу. Даже не нам, государыне нашей! – торжественно объявил Ушаков.

У Ивана аж запело на душе. Не в переписывании канцелярских бумаг видел он своё назначение. Хотелось проявить себя, заслужить почёт и уважение. Но для этого нужно было настоящее дело. А уж за Елисеевым не пропадёт.

– С превеликим удовольствием, ваша милость, – обрадованно сказал молодой человек. – Готов выполнить любое приказание.

– Тут, братец, понадобится не токмо рвение, а ещё и деликатность, – завёл издалика Ушаков. – Придётся расстараться.

– Расстараясь, ваша светлость. Истинный крест, – побожился Елисеев. – За ради матушки-царицы к любому испытанию готов.

– Молодец, голубчик. Поедешь тогда в дом Алунтьевой. Знаешь такую?

Иван отрицательно помотал головой.

– Вот и познакомишься. Она же тебе и скажет, что нужно сделать. Знай, что поручение сие важности небывалой. Не каждый день Митридаты пропадают, – Ушаков усмехнулся.

– Неужто из родни кто-то пропал... Митридат этот? – спросил, загораясь служебным рвением, Елисеев.

– Можно и так сказать, – согласился Ушаков. – Ведьмы навроде Алунтьевых всегда с Митридатами эдакими в родстве состоят.

– Ведьмы? – удивился юноша. – Так может дело сие к Синоду имеет больше касательства?

⁴ Карточная игра.

– С ведьмой я погорячился, – смеясь, сказал глава Тайной канцелярии. – Алунтьева – хоть и перечница старая, но в колдовстве не замечена. Другие у ней таланты. Больно уж сказки хорошие рассказывает. За то её императрица наша привечает. Почитай, казенную ночь Алунтьева в спальне матушки Анны Иоанновны пребывает, чтобы развлечь императрицу сказкой какой или побасенкой. Потому и отношение к сей особе по возможности пиетическое.

– А Митридат кто? Тоже сказочник? – спросил сбитый с толку Иван, вызвав у Ушакова новый приступ смеха.

Правда, теперь глава Тайной канцелярии хохотал не в одиночку. Ему со всем усердием потакал и Хрущов. Отсмеявшись, Андрей Иванович пояснил:

– Митридат – любимый котяра Алунтьевой. На днях куда-то запропастился. Старуха от расстройства чувственного занедужила, во дворце ко мне за помощью обратилась, когда я у государыни с докладом был. Кому другому я бы отказал, а тут, братец, не отвертись. Пищи, но выполняй! Любит уж больно матушка-императрица бабку Алунтьеву. Почитай с самого детства знает, на коленках у ей когда-то сиживала, под колыбельные её почивала. Ну как откажешь?

– Никак не мочно отказать, – подтвердил Хрущов.

Ушаков продолжил:

– Такие вот дела, брат Елисеев. Енто тебе преамбула была, а теперь амбулу слухай: надо ехать к Алунтьевой и кота того сыскать.

– А ежели я не найду? – испугался Иван, у которого в голове смешались, не желая укладываться, старуха-сказочница, пропавший кот, государыня и Ушаков.

– Найдёшь Митридата. Из кожи вылезь, ужом извернись, но кота сыщи! Хоть вынь его да положи! – железным тоном произнёс генерал.

Иван щёлкнул каблуками.

– Слушаюсь, сударь!

– Сразу бы так. А то «не найду, не найду», – раздражённо передразнил Ушаков. – Прикажу – из-под земли достанешь! Служба у тебя такая, Елисеев. Помни, выюноша!

Успокоившись, он откинулся на спинку стула.

– Для тебя уже экипаж приготовлен. На нём поедешь к Алунтьевой. Да поспешай! Промедление смерти подобно. Бабка сильно сдала. Коли умрёт от расстройства, матушка-императрица сему не обрадуется. Не подведи, брат Елисеев. Можешь поверить старику – дело государственной важности. И на носу себе заруби – в нашей службе малых поручений нет.

Вконец запутанный и расстроенный Иван вышел на улицу. Не такого задания он ждал – искать пропавшего кота какой-то сумасшедшей старухи. Велика ли будет честь тому, кто за это возьмётся!

У крыльца действительно ждал приготовленный экипаж – чёрная карета без гербов. Кучер, самой ни на есть учёной наружности, почитывал свежий номер «Санкт-Петербургских ведомостей».

Не знал того Елисеев, что после его ухода Ушаков с Хрущовым чуть ли не перекрестились от радости. Молодой сопливый копиист был лучшим выходом из положения, чтобы и честь не уронить, и поручение выполнить.

Прибыв к дому старухи, Иван обнаружил, что попасть внутрь не может. Никто не открывал. Парадная дверь уже ходила ходуном от его ударов, однако к ней никто не спешил подойти, хотя жизнь в доме теплилась. Елисеев был готов побиться об заклад на что угодно.

Он уже подумывал вернуться обратно, упасть в ноги Ушакову (авось поймёт и простит), как вдруг увидел, что к дому подкатил ещё один экипаж. Ловкий лакей соскочил с

запяток, подбежал к карете и распахнул дверцу перед... Иван не поверил своим глазам – с визитом к бабке-рассказчице приехала Катенька Ушакова.

Похоже, глава Тайной канцелярии в столь щекотливом деле решил задействовать не только подчинённых, но и красавицу дочь.

Отпустив своего кучера, Елисеев вежливо склонил голову перед девушкой.

– Здравствуйте, Екатерина Андреевна.

– Мы с вами не представлены, но, кажется, я имела возможность где-то вас видеть, – задумчиво наморщив лобик, произнесла барышня.

– Знакомство – дело поправимое. Разрешите представиться – Иван Елисеев, копиист походной ея величества Канцелярии тайных розыскных дел. А видеть меня вы изволили на днях в доме вашего батюшки, Андрея Ивановича.

– Что же за дело привело вас сюда?

– Чрезвычайной важности, – сказал Иван и густо покраснел.

– Это вас батюшка отправил искать Митридата? – догадалась Екатерина Андреевна.

Молодой человек покраснел ещё сильнее. Не в силах ответить, он коротко кивнул.

Боже мой, какой позор, искренне думал Иван, решив, что падает в глазах красавицы куда-то далеко вниз, свергаясь на уровень муравьёв, жуков и прочих букашек.

Но девушка отнеслась к поручению на удивление серьёзно. Она, подобно своему мудрому отцу, прекрасно понимала важность любых просьб, исходящих от особ, кои в силу своего положения денно и ночью соприкасаются с государыней.

– Что же вы не входите? – спросила Екатерина Андреевна.

– Не открывают, – признался юноша. – Уж я стучал-стучал, колотил-колотил. Никакого ответа. Не ломать же мне дверь!

– Дверь ломать не надо, – кивнула барышня. – Дозвольте мне.

Она подошла к дому, заглянула в закрытое занавесью окошко, и тонко... нет, не сказала – пропела:

– Анна Петровна, голубушка! Откройте, пожалуйста. Это я.

И почти сразу дверь отворилась. На пороге появилась пожилая женщина с заплаканным, но очень добрым, простодушным лицом.

Екатерина Андреевна нежно обняла старушку, заговорила, утешая. Вместе они вошли в дом, выглядевший пустым. Ни единого человека прислуги, кроме зарёванной дворовой девки, в полной мере разделявшей горе хозяйки.

– Бяда, ой бяда-то какая! – сокрушённо качала головой девка.

– Не говори! – вторила ей Алунтьева. – Не знаю, за какие грехи такое наказание! Жаль Митридадушку. Уж такой ласковый был, такой добрый. На колени бывалоча прыгнет, колечком свернётся. Ты ему за ушком почешешь, а он довольный лежит, песенки поёт. А уж как рыбку любил! Я ить ему особливо рыбку варила, с солью. От несолёной токмо мордочку воротил. Курочкой тоже не брезговал. Крылышком похрустит, поиграется, клубочек по полу покатает. Чистое золото, а не кот. Второго такого вовек не сыскать.

Иван удивлялся. Надо же, сколько слёз из-за какого-то котейки. Потом понял, что для старушки пропавший Митридат всё равно, что семья – своих детей у женщины отродясь не было. Не послал ей Господь чада собственного. Нерастраченную любовь она всецело перенесла на пушистое существо, нагло сим пользовавшееся.

Девка убежала. Хозяйка повела Екатерину Андреевну и Елисеева в парадную комнату, где усадила на мягкие диваны.

Внезапно в пожилой женщине проснулся интерес:

– Что за молодой человек пожаловал с тобой, Катенька? – спросила она. – Не жених ли?

Ивана бросило в жар. Ему вдруг захотелось, чтобы дочь Ушакова ответила на вопрос утвердительно, хотя умом он прекрасно понимал – чего не будет, того не будет.

Екатерина Андреевна, потупив глазки, пояснила:

– Что вы, Анна Петровна! Рановато мне об женихах ещё думать. Сей вьюноша прислан батюшкой из Тайной канцелярии Митридата вашего разыскивать. Зовут его Иваном Елисеевым.

– Прости, Катенька, дурость мою бабскую! Не гневайся на старуху. Да и ты, Иванушка, прости: не то я болтаю, – повинилась Алунтьева.

– Не переживайте, Анна Петровна. Мы на вас не в обиде. Правда, Иван? – Девушка улыбнулась и лукаво посмотрела на Елисеева.

Тот чувствовал себя скованно, не знал, куда деть руки и ноги, потому отделался кивком.

– Видите, Анна Петровна: всё хорошо, – проговорила барышня. – Не переживайте за ради всяких пустяков. От этого токмо вред здоровью происходит.

Старушка успокоилась.

Зря Ушаков Алунтьеву ведьмой называл, решил про себя он. Анна Петровна скорее походила на бабушку: ласковую, уютную, кроткую, с которой так хорошо и покойно. У Ивана была как раз такая.

У неё он искал утешения в своих детских печалях и горестях. Она лечила его разбитые коленки, вытаскивала из пальцев занозы, доставала соринки, случайно залетевшие в глаз. И она же врачевала его душу, уставшую от чужих насмешек, когда Ивана дразнили за малый рост и сухость сложения. Именно бабушка помогла ему найти человека, который научил низенького сухонького мальчишку умению постоять за себя. Жаль, что учёба длилась недолго. Человек тот на одном месте не задерживался, ветер странствий постоянно подгонял его в спину. Но и тех уроков Ивану хватило, чтобы деревенские ребята бросили его задирать.

Мал да удал, говорили про паренька в округе. Вот и в Петербургегодились его умения. Правда, учитель наказывал драк избегать и не учинять их первым ни при каких обстоятельствах.

– Полагайся на ум. Махать кулаками – вещь нехитрая, – говорил он. – Мордобою я тебя научу, а вот думать никто не научит. Токмо жизнь.

Алунтьева позвала дворовую девку и велела приготовить гостям кофию. Пока готовились напиток и скромное угощение, Иван вспомнил, зачем собственно прислан. Хочешь не хочешь, надобно приступить к поискам, однако не с пустого же места их зачинать. Предстояло кое-что выяснить.

– Как давно пропал ваш котик, сударыня?

– Три дня, как не видели золотце моё ненаглядное! Три дня по ему горюю.

– А раньше с ним такое уже приключалось, али в первый раз запропал?

Старушка отрицательно мотнула головой.

– Не было такого раньше, господин хороший.

– Может, загулял котик? Натешится и придёт, – предположил Иван, хорошо знавший повадки котов. Их домашний любимец мог пропадать неделями. Потом возвращался худой, усталый, голодный, однако до-о-овольный.

– Митридат – домашний котик. С кошками не гулял.

– У него операция была хирургическая. Ещё в детстве лишили тестикул, и через то Митридат больше никакого весеннего беспокойства не ведал, – проявив неожиданную осведомлённость в щекотливых врачебных вопросах, пояснила Екатерина Андреевна.

Алунтьева кивком подтвердила её слова.

– Выхлостили мы Митридатушку. С той поры возле дома всегда лежал, на солнышке грелся. Далекон не убегал, а ежели отлучится по кошачьим надобностям – выйдешь на крыльцо, позовёшь «кис-кис», он и бежит, хвост трубой.

– В тот день он тоже на улице был?

– На улице, голубчик, на улице. Сидел, на птичек заглядывался. Я на минутку в дом зашла. Воротилась, а его и следа нет. Словно вода испарился. И какому же Ироду окаянному он приглянулся! – снова запричитала Алунтьева, и Екатерина Андреевна опять принялась обнимать, успокаивать женщину.

– Ясно, – протянул молодой человек. – Анна Петровна, какого окраса Митридат?

– Чёрный как сажа, ни единого белого волоска. Большущий, чижолый, я на руки яво едва поднимала. Пузо, боялась, надорву.

– А как его ещё от других котов отличить можно?

– Бантик у него на шее алый, шёлковый. Сама вязала.

– Бантик мог развязаться. Ещё приметы есть, Анна Петровна?

– Есть, как ни быть, – кивнула женщина. – Заметная примета – ушко у яво правое рваное. Собака кусила, когда он котёнком был.

– Уже что-то. Действительно, примета что надо. Чёрный кот с рваным ухом. Будет легче искать.

– Ты сыщи моего котейку. Обязательно сыщи. Чи живого, чи мёртвого, – попросила Алунтьева.

– Ну почему сразу мёртвого, Анна Петровна?! – возмутился Иван.

– Сердце вещует, – печально вздохнула женщина. – Злые люди моего Митридадушку украли.

– Тогда, с вашего разрешения, я на улицу выйду. Осмотрюсь, что да как, – попросил Елисеев.

Он несколько раз обошёл вокруг дома, внимательно оглядел места, куда по его разумению мог забиться домашний любимец. Покричал, покыскал. Митридата нигде не было. На зов никто не отозвался, разве что забрехала соседская собака.

Ивана сей факт не разочаровал. В лёгкий успех он не верил. Коли судьба ставит перед ним испытание, значит, надо готовиться ко всему.

Елисеев никогда не был настоящим следопытом. Так, нахвтался по верхам от папеньки, заядлого охотника. Тот мог читать отпечатки на земле, словно книгу. И сыновей учил.

Иван решил вспомнить его уроки, внимательно всмотрелся в следы у крыльца и вокруг дома. Людей к Алунтьевой приезжало мало, много натоптать они не успели. Это облегчало поиски.

Тут ходили они с Екатериной Андреевной, эти следы женские – вероятно, Анна Петровна или её служанка.

Вот в слегка подзасохшую грязь впечатались мягкие кошачьи лапки – не иначе Митридат собственной кошачьей персоной. Здесь следы кота оборвались, что важно – рядом оттиск мужских сапог. Ага, бабушка Алентьева оказалась права, не обмануло её любящее сердце.

Кота похитили. Зачем – другой вопрос. Мало ли какое применение мог найти домашнему любимцу злой человек.

Левая ступня вдавлена заметно глубже – мужчина колченог, прихрамывает на правую ногу. Уже кое-что. Можно взять за отправную точку расследования.

Улица не шибко заселённая, значит, образ жизни тут почти деревенский – стоит кому мимо пройти, обязательно в окошко взглянут, проверят. Не мог тут хромой невидимкой проскользнуть. Кому-то да на глаза попался.

Елисеев определил, куда двинул стопы похититель и пошёл к соседскому дому, туда, откуда по-прежнему брехал цепной кобель. Авось, там что-то видели и в розысках помогут.

Пожалуй, впервые в жизни его охватил азарт, который принято называть охотничьим.

– Врёшь, колченогий! Никуда от меня ты не денешься! – воскликнул Иван, радуясь дотоле неизвестному чувству.

Вряд ли Ушаков ожидал, что его поручение вдруг пробудит в юноше струнку настоящего разыскника, готового не спать и голодать сутками, лишь бы напасть на разгадку тайны, и не важно, что первым его делом стал поиск похищенного чёрного кота.

Глава 8

Ночной звонок застал Орлова, когда тот только готовился лечь в постель. С возрастом пришла бессонница. Вместо того чтобы без всякого результата часами ворочаться на кровати, он читал. Без разницы, будь то книги, газеты или журналы. Всё, что попадётся под руку. Профессор не чурался даже откровенно бульварной литературы, той, которую стыдятся даже те, кто её пишет и издаёт.

Было лишь одно условие: профессор категорически не воспринимал текст с экрана даже самой продвинутой электронной читалки, хотя числил себя отнюдь не ретроградом.

Сегодня ему под руки попала книга, купленная по случаю в каком-то книжном киоске: в аляповатой обложке, с аннотацией, явно не имевшей ни малейшего отношения к содержанию, напечатанная на серой газетной бумаге. Это были приключения очередного «попаданца», написанные незатейливо, с явными ляпами и незнанием исторической эпохи. Однако бойкий слог и фантазия автора заставляли забыть эти недостатки. Профессор и сам не заметил, как проглотил добрую половину пухлого томика.

Шустрый герой уже успел «прописаться» в иной исторической реальности и, набрав команду верных ребят, всюду занимался «прокачкой», как себя, так и собственного близкого окружения.

И тут телефон начал проигрывать одну из композиций «Bad Boys Blue», поставленную в качестве рингтона.

Орлов осторожно взял трубку, настраиваясь на то, что столь поздний звонок вряд ли связан с хорошими известиями. Предчувствия его не обманули.

– Елисей исчез из клиники? – с крайним недоумением повторил он только что услышанную невероятную новость. – Каким образом?

На другом конце линии кто-то путанно начал излагать несколько версий произошедшего, но ни одна из них не давала ответ на главный вопрос: куда исчезло практически бесчувственное тело Елисея, сотрудника института, загадочным образом впавшего в коматозное состояние во время очередного экскурса в прошлое.

Весь жизненный опыт профессора кричал об одном: проблемы в лаборатории на том лишь начинаются. Жди проверок из Москвы. Скоропалительных и несправедливых.

Разговор закончился. Профессор обессиленно выпустил трубку из руки. Его взгляд снова опустился на обложку недочитанной книги. Голову посетила шальная мысль.

А что, если пропавший Елисей тоже, подобно герою этого романа, угодил в прошлое? Орлов невольно улыбнулся. Господи, какая ерунда!

Он встал из-за стола и пошагал на кухню готовить себе кофе. О сне теперь не могло быть и речи.

* * *

Хозяйка соседского дома сама вышла Елисею навстречу. Была она разбитной девой-солдаткой лет двадцати пяти, и Иван, глядя на её плутовскую улыбку, пышные плечи и мясистый подбородок, понял, что на голове супруга этой фемины пышным цветом распускаются раскидистые рога.

Тем не менее, он учтиво поклонился. Галантность манер – один из лучших способов расположить к себе человека, а Елисей нуждался в приятственном отношении солдатки. Она могла видеть колченогого и дать его описание.

Деваха ответив на приветствие, не преминула полюбопытствовать:

– С чем пожаловали?

Ивану было стыдно говорить, что он из Тайной канцелярии прислан на поиск кота. Ему удалось ловко обойти конфузный момент и перейти к главному.

Предчувствия его не обманули. Солдатка видела хромого в окошко. Тот, по её словам, долго отирался поблизости, чего-то выжидая, а потом неожиданно исчез. С котом или нет – женщина не знала. Столь важный для Елисеева момент она упустила, занявшись мытьём полов. Судя по всему, ожидала полубовника, но, конечно, не стала в том канцеляристу признаваться.

Описание с её слов удалось составить следующее – мужчина собой изрядный (гораздо выше Ивана), лица разглядеть не удалось, поскольку мешала низко надвинутая шляпа, кафтан на нём серый, не новый, штаны да чулки – если бы не хромота, под такой «портрет» можно было определить целую прорву людей мужского полу.

На вопрос «из господ он был али из слуг», солдатка уверенно заявила, что «чей-то слуга, но точно не мужик».

Солдатка стала приглашать Елисеева в дом, напирая плечами и грудью. Юноша вежливо отказался, стараясь не обидеть деваху, и тишком-тишком вернулся к Алунтьевой.

Женщины уже начали пили кофий. Чашка, предназначенная Елисееву, остывала.

Дотоле Ивану уже приходилось пробовать этот напиток и никаких чувств, будь то восхищение или отторжение, он у него не вызывал. Матушкин квас был куда ядрёней и бодрил, особенно после парной, в разы лучше. Но кухарка Алунтьевой приготовила кофий иным, не знакомым Елисеевым способом, и сегодня Иван отхлёбывал ароматную горьковатую жидкость с удовольствием. Хотя, положила руку на сердце, виной всему скорее была одна особа, сидевшая напротив. Сия особа сверкала васильковыми глазками, улыбалась жемчужными зубками и не говорила, а журчала, будто ручеёк.

– Что, милостивый сударь, не зря на двор выходили? – спросила Алунтьева.

– Не зря. Кое-что удалось углядеть. По всем моим разумениям, котика вашего похитили, – не стал лгать пожилой женщине Елисеев.

Та снова пустила слезу. Екатерина Андреевна с укоризной поглядела на копииста, достала большой шёлковый платочек и подала Анне Петровне утираться. Иван снова почувствовал себя сконфуженным, хотя двигало им лишь желание говорить правду, ничего не утаивая. В конце концов, кот – всего лишь животное. Долго по нему убиваться не стоит.

Алунтьева думала иначе и потому заплакала навзрыд. Тут-то Ивана и прогнали снова на улицу, дабы больше не расстраивал Анну Петровну и позволил старушке успокоиться.

Надо сказать, что Елисеев и сам искал повода оказаться снаружи. Слезы в три ручья довели его до зубовного скрежета.

Турицын для поддержки духа покуривал трубочку. Иван уже начал сожалеть, что сей привычки не имеет.

Он стоял на крыльце и глядел на дорогу. Из состояния глубокой задумчивости его вывело покашливание за спиной. Иван обернулся и увидел человека в неловко сшитом камзоле (будто с чужого плеча), весьма приветливого и знакомого с учтивыми манерами. Прибыл он пешком, без экипажа. Был полноват, но не чрезмерно.

– Павел Семёнович Алунтьев, – представился человек. – Могу знать, кто вы, и по какому случаю находитесь на крыльце дома моей тётушки?

– Так вы племянник Анны Петровны? – обрадовался Иван.

– Так точно-с, племянник, – не стал отпираться Павел Семёнович. – Однако простите, я не услышал ответов на мои вопросы.

– Иван Елисеев, прибыл из Тайной канцелярии с поручением к вашей тётушке в связи с некоторыми чрезвычайно деликатными обстоятельствами.

– Неужто моя тётушка чего-то натворила? – удивился Алунтьев. – Да полноте вам, должно быть произошло недоразумение. Не могла Анна Петровна набедокурить до того, чтобы по её душу прибыли аж из Тайной канцелярии. Какие в её годы могут быть преступления?!

Иван, вдохнув, поведал племяннику Анны Петровны о случившемся. Это было то самое тайное, которое скоро могло стать явным. Разумеется, Елисеев ни слухом ни духом не обмолвился о колченогом похитителе Митридата.

Внимательно выслушав рассказ, Алунтьев хмуро сдвинул брови и произнёс:

– Моя тётушка была всецело привязана к Митридату. Между нами, мне кажется, что Анна Петровна любила кота гораздо сильнее, чем своих родственников.

– И много ли у неё родни?

– Увы, почти никого не осталось. Из ближайших, пожалуй, что я один, – сокрушённо признался Павел Семёнович.

В это мгновение до них донеслось очередное всхлипывание Анны Петровны:

– На кого же ты меня оставил, Митридадушка?! Зачем покинул?!

Щека Алунтьева предательски дёрнулась.

– Тогда, может, войдёте в дом и утешите вашу тётушку, – предложил Елисеев, чтобы не усугублять страдания нового знакомца. – Боюсь, что моя спутница с этим не справляется.

– Сей же момент. Только позвольте полюбопытствовать: а кто ваша спутница?

– Екатерина Андреевна Ушакова, штац-фрейлина.

– Неужели?! Что, дочь самого... – Брови Алунтьева взлетели от удивления.

– Да, дочь их сиятельства графа Ушакова.

– Всё понятно, сударь. Тогда поспешу к ней на поддержку. Пусть я никогда не заводил себе ни котов, ни кошек, но чувство потери мне прекрасно знакомо. Был рад нашему знакомству. – Павел Семёнович перед прощанием заключил ладонь Елисеева в дружеское рукопожатие, а затем вошёл в дом.

Плач Анны Петровны сразу утих. Появление племянника подействовало на старушку благотворно.

Выждав для приличия ещё несколько минут, Иван тоже решил войти, надеясь, что теперь его точно не выгонят – постесняются Павла Семёновича. Кроме того, имелся и предлог: юноша хотел поговорить со старушкой о колченогом. Вдруг этот хромой ей известен. Тогда поиски можно будет считать законченными.

И тут его будто молнией поразило. Иван вспомнил тот миг, когда Алунтьев прощался с ним на пороге, его рукопожатие, слова о том, что он никогда не заводил себе ни котов, ни кошек. И при этом на его правой руке были отчётливо видны свежие царапины. Иван был готов съесть свою треуголку, если эти «украшения» не достались Алунтьеву от кошачьих когтей. Конечно, на Митридате свет клином не сошёлся, мало ли в Петербурге других котов, но зародившееся подозрение разгоралось костром.

Спросить напрямик? А ну как зачнёт отпираться. Тут впросак попасть, что раз плюнуть. Мало ли кто руку исполосовал.

Арестовать, привезти в крепость, устроить допрос по всем правилам – да кто же согласится из-за кота на дыбу подвешивать. И Ушаков не поймёт.

Как ни крути – действовать надо по-хитрому, чтобы не опростоволоситься.

Копиисту пришла в голову мысль незаметно проследить за племянником, как только тот оставит тётушкин дом.

Плохо, что я один, думал Елисеев. Не стоило отпускать кучера.

Он спрятался за домом, украдкой выглядывая из-за угла. Первой вышла дочь Ушакова, села в карету и укатила. Немного погодя появился Алунтьев. Он, не оглядываясь, размашисто пошагал по дороге. Иван устремился за ним. Никогда раньше ему не приходилось сле-

дить за человеком, не знал он хитрых способов и метод, потому и действовал, положась на удачу да провидение Господне. Уж если будет угодно Всевышнему, так Он поможет вывести негодяя на чистую воду.

Идти пришлось далеко. Иван старался не глядеть Алунтьеву в спину, вдруг тот почувствует взгляд, обернётся – тогда пиши пропало. Однако Павел Семёнович был слишком погружён в свои думы, и ничего вокруг не замечал. Тогда Елисеев осмелел, стал держаться поближе. Даже придумал отговорку, на случай ежели Алунтьев его всё же увидит. Но, конечно, хотелось бы не попадаться на глаза.

Ещё он старался вести себя так, чтобы попадающиеся навстречу прохожие не могли понять, что идёт слезка. Это усложняло его задачу, но несмотря ни на что, они прошли уже пол-Петербурга, Алунтьев так ничего и не заметил.

Его целью был маленький домик, обнесённый палисадом. Возле домика был разбит яблоневоый сад, в нём возился садовник. Увидев хозяина, он поспешил навстречу, приоткрыл калитку. И тут Ивана больно кольнуло в сердце: садовник прихрамывал.

Слишком много, чтобы быть просто совпадением, осознал Елисеев. Осталось только понять, как действовать дальше. Для начала не мешало бы выяснить, нет ли тут пропавшего кота.

Алунтьев с садовником (тот явно был единственным слугой в доме) расположились в саду на скамейке и вполголоса переговаривались.

Елисеев подобрался поближе, намереваясь выведать, о чём разговор. Место было удобное: его никто не видел, зато он видел и слышал всё.

– Столько трудов и всё зря, – сокрушённо произнёс Павел Семёнович.

– Нешто зелье не помогло? – удивился садовник.

– Не помогло. Не вижу я золота, не чувствую ничего. Потому и говорю, что всё зря.

– Надо сызнова попробовать. Должно быть, кот не той масти попался.

– Эх, дурья башка! Какая ещё масть тебе понадобилась? Чёрный, будто грех смертный, ни единого белого волоска? Так я тебе надысь такого и показал. Тётушку родимую не пожалел. Ты, Родион, лучше скажи – не перепутал чего в рецептуре?

– Да чё ж там перепутать можно?!

– Я откуда знаю?! Может, положил не в той последовательности. Или плепорции не смог соблюсти. Да мало ли! Кто вашего брата знает!

– Ты меня, Павел Семёнович, не обижай. Я всё, как по писаному делал. Средство надёжное, столетиями проверенное. Коли что-то не вышло, знать дело в коте. Окрас не тот подвернулся.

– А говорил, что тот! – обиженно возмутился Алунтьев.

– Говорил, – не стал отпираться садовник. – Токмо сложно тут, Павел Семёнович. Хучь одна волосинка белая попадётся – всё, труды насмарку.

– И что теперь делать?

– Другого кота искать. Не может быть, чтобы на весь Петербурх не нашлось бы чернущего котейки.

– Сколько ж тебе, живодёру, животных извести надо?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.